

**Вадим
Кучеренко**

**ОШИБКА
ВОЛХВА**

Вадим Кучеренко

Ошибка волхва

«Автор»

2026

Кучеренко В. И.

Ошибка волхва / В. И. Кучеренко — «Автор», 2026

Отправившись за пропавшим суженым, купеческая дочка Добродея, преодолев суеверный страх, входит в горную пещеру. А выйдя из неё, оказывается за тысячу лет от своего времени, в окрестностях затерянного в дремучих лесах посёлка Кулички. Не поняв этого, она продолжает поиски. Но, как выясняется, перемещение из прошлого в будущее чревато тяжкими последствиями. В Куличках, и не только, начинают происходить странные события, люди внезапно меняются, сами того не замечая. В довершение всех бед, в посёлок входит вражеская диверсионно-разведывательная группа, грозя местным жителям смертельной опасностью. А где-то в отдалении, приближаясь, не умолкает то ли гром, то ли артиллерийская канонада. Это бог-громовержец Перун поссорился со своей женой, богиней Дива-Додолой, и в порыве гнева возжаждал войны... Роман «Ошибка волхва» продолжает серию книг о жизни обитателей посёлка Кулички и бывшего учителя истории Олега Засекина, ставшего благодаря завещанию своего деда жрецом языческого бога Велеса.

© Кучеренко В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. Ссора	5
Глава 1. От отчаяния к надежде	7
Глава 2. Перунов день	12
Глава 3. Перун снисходит к мольбе	16
Глава 4. Добродея нарушает клятву	22
Глава 5. Одурь-трава	27
Глава 6. Гавран приносит тревожную весть	31
Глава 7. Две подруги и жрец Велеса	37
Глава 8. Отец Климент благословляет	43
Глава 9. Жрец Перуна отправляется на поиски Добродеи...	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вадим Кучеренко

Ошибка волхва

Предисловие. Ссора

В это утро Перун поссорился с женой, приревновав её к Велесу.

Прекрасная Дива-Додола, богиня благодатного дождя, плодородия и молодости, по своей натуре была своенравной. Не случайно она покровительствовала девушкам, их забавам, песням, играм, гаданиям и тайнам. И потому она частенько забывала о том, что Перуна страшатся все остальные боги, считая его лишь своим мужем, которому когда-то пришлось добиваться её расположения и согласия выйти за него замуж. Она не стала оправдываться перед ним, и Перун ушёл от неё, будучи вне себя от ярости.

Как всегда, когда он был зол, по всей земле оглушительно гремел гром, сверкали молнии, поджигая леса, бурные реки выходили из берегов, затопляя равнины и смывая человеческие жилища. Но всего этого ему было мало. Он должен был на кого-то излить своё раздражение.

Однако Перун не знал, кого выбрать в жертву. Поэтому он призвал Индру, которого считал не только своим помощником, но и соратником после того, как тот помог ему одолеть Скипер-Змея, ужасное чудовище, порождённое самой тьмой и лишённое живой души.

- Меня перестали уважать, - пожаловался Перун. – Жена дерзит, Велес крадёт мой скот, люди всё реже приносят мне жертвы и почти не курят фимиам. Я предвижу, что скоро даже милая старушка Дрёма начнёт исподтишка смеяться надо мной. И будет нащёптывать засыпающим людям на ухо, что я уже не воин, а пастух. И что тогда делать?

Иссечённое шрамами лицо Индры оставалось невозмутимым. Старый воин был мудр и хладнокровен, не случайно другие боги доверяли ему своё священное оружие, чтобы Индра прятал его в одном из известных тайник. Иногда боги бывали импульсивны и вспыльчивы, не могли совладать с собой. И эта предосторожность уберегла многих из них от безрассудных поступков, в которых они позже могли раскаяться. Но сейчас Индра знал, что если начать возражать Перуну, то будет только хуже. Поэтому он молчал, выжидая, когда Перун выплеснет свой гнев и успокоится. Так всегда было прежде.

Однако сегодня невозмутимость и молчание Индры только сильнее распаляли Перуна. Метнув молнию в заснеженную верхушку горы, зябко кутающуюся в облака, бог-громовержец прогрохотал:

- Мне нужна война, Индра! А лучше сразу несколько. Пусть потоками льётся кровь, гибнут армии, исчезают с лица земли государства и народы. Только это может унять мою досаду.

И уже намного тише, едва слышно, он с горечью вымолвил:

- И примирить с мыслью, что Дива-Додола любит меня уже не так сильно, как прежде.

- Как скажешь, повелитель, - покорно сказал Индра, который и сам всегда был не прочь повоевать при случае. – То, что ты желаешь, легко осуществить.

- Вот как? – не смог скрыть удивления Перун, в отличие от своего помощника редко общавшийся с людьми. – Ты в этом уверен?

Индра кивнул.

- Люди предпочитают войны переговорам, - убеждённо проговорил он. - Убивать им проще, чем мирно беседовать. Надо только подкинуть в их головы мысль, что война – это единственное средство, которое у них осталось для достижения своих целей.

- Это нелепо, - буркнул Перун. – Но мне по душе.

- И в этом нам как раз может помочь старая перечница Дрёма, - жёстко проговорил Индра, который недолюбливал добрую старушку с мягкими, ласковыми руками, воплощавшую

в себе умиротворение ночи. – Своё сновидение человек примет за волю богов, и не станет ему противиться. Или он решит, что это его собственная идея, порождённая долгими раздумьями. Но результат один.

- Хорошо, - нетерпеливо махнул рукой Перун. – Мне всё равно, как ты это сделаешь. Но учти – я долго ждать не буду. Война мне нужна немедленно!

- Война начнётся быстрее, чем ты успеешь глазом моргнуть, - сказал Индра. – И не одна, как ты того желал, повелитель.

Он почтительно поклонился и ушёл.

Индра не солгал и безукоризненно исполнил приказание. В одно мгновение, если считать по небесному времени, люди прервали свои мирные дела и, к вящей радости Перуна, начали воевать между собой, славя его и призывая себе на помощь. И вскоре бог-громовержец начал думать, что уже к концу этого дня его раздражение уймётся, и он даже сможет простить свою строптивую, но обожаемую жену, красавицу Дива-Додолу...

Но небесное время отличается от земного. Для богов прошлое, настоящее и будущее человечества заключено в моменте. Один их день или час или минута для людей длится тысячу лет, а, быть может, и дольше...

Глава 1. От отчаяния к надежде

После того как княжеская дружина выступила в военный поход на Новгород, городище заметно обезлюдело. Как следствие, захирела торговля. Теперь мало кто заходил в лавки купца Доброжира, где он продавал пушнину, включая наиболее ценные меха куницы и белки, а также не менее дорогой воск, из которого делали свечи для освещения теремов. Иссаек главный источник его доходов. Намного реже горожане стали покупать кожу и льняные ткани, не говоря уже об оружии и кольчугах. Даже экзотические заморские товары – шёлковые ткани, доставляемые из самой Византии, восточные приправы и пряности, вино в дивных амфорах, – не пользовались спросом.

И только отец Неждан, представлявший в своём лице Православную церковь, покровительствующую русским купцам, а заодно контролирующую их честность, заходил, как прежде, несколько раз на дню, дотошно проверяя правильность весов и мер. Уходил он, как правило, не с пустыми руками. Доброжир щедро оделял его мёдом и воском, не столько жертвуя на нужды церкви, сколько оплачивая аренду подвальных помещений храма, в которых он хранил свой товар, а заодно и всю торговую документацию. Несмотря на то, что по вере своей он был язычником, купец хорошо понимал, что лояльность церкви дорогого стоит, особенно когда ведёшь торговые дела не только с Киевом и Новгородом, крупнейшими центрами международной торговли, но и напрямую с Европой, Скандинавией, Средней Азией и арабскими странами.

Каждый вечер Доброжир подсчитывал убытки, к которым он, тяжело вздыхая, относил и неполученную прибыль с продажи товаров. И только мысль о том, что рано или поздно княжеская дружина, захватив и разграбив Новгород, вернётся с богатой добычей, и всё возвратится на круги своя, помогала ему преодолевать уныние и подпитывала надежду на будущее. Немалую роль в этом играло и предвкушение скорой трапезы.

Возвращаясь домой из торговых рядов, где он проводил весь день, купец Доброжир любил вдосыть, до отвала, поесть. Он был высок ростом и дороден телом, даже немного тучен, но своё пристрастие к обильным трапезам оправдывал не этим, а неустанными трудами и заботами. Поглаживая себя по объёмистому животу, Доброжир часто благодушно приговаривал: «Кто усердно трудится, тот и сыт по заслугам». Желающих оспорить это утверждение на вид могучего, сродни былинным богатырям, купца, как правило, не находилось.

И в этот вечер, как обычно, стол в его тереме ломился от яств. В большой серебряной чаше дымилась каша из сарацинского пшена с мясом, щедро приправленная конопляным маслом. Добавленный в кашу мёд придавал ей особенный аромат. Вокруг чаши, словно малые суда, обступившие флагманское судно, теснились многочисленные металлические блюда, полные дичи, запечённых кур, разной рыбы, икры, красной и чёрной, пирогов с мясной начинкой, расстегаев и кулебяк. В высокие оловянные кубки был налит медовый взвар с добавлением корицы и мускатного ореха. Всё свидетельствовало о том, что домочадцы хозяина ждали и постарались на славу, чтобы угодить ему. Казалось, самый притязательный вкус не смог бы найти к чему придираться. Однако Доброжир, войдя в горницу и окинув взглядом украшенный искусной резьбой массивный дубовый стол, заставленный блюдами и чашами, нахмурился.

- Яромила! – крикнул он так зычно, что в окнах задрожали слюдяные пластины, скреплённые металлическими плашками.

Однако ему пришлось подождать, прежде чем в горницу вошла дебелая чернавка с красными, как спелое яблоко, тугими щеками. Приглядевшись, можно было заметить, что покрасневшими были и белки её глаз и даже кончик носа. Судя по этим признакам, а также по припухшим векам, женщина только что плакала, вытирая глаза концами наброшенного на голову платка. Вероятно, именно поэтому она не сразу откликнулась на зов хозяина, испытывая его терпение, а сейчас стояла, опустив голову, и молчала из опасения, что её может выдать преда-

тельски дрожащий голос. Однако разгневанный Доброжир не заметил ничего этого и сурово спросил, показывая на стол:

- А где овсяный кисель?

Овсяный кисель был любимым напитком его дочери, которая после смерти жены стала для купца единственной в жизни радостью и отрадой. Обычно и сама Добродея встречала отца уже на пороге горницы и неизменно трапезничала с ним, заботливо подкладывая ему на тарелку самые лакомые кусочки и слушая его обстоятельный пересказ событий минувшего дня. Но сейчас её не было, как и кубка с киселём. И это так поразило Доброжира, что он растерялся и только потом спросил о том, что его волновало по-настоящему:

- И почему я не вижу самой Добродеюшки, моей обожаемой дщери?

Некоторое время в просторной комнате, украшенной цветастыми плетёными ковриками на полу и искусно вырезанными по стенам картинами, сюжетами которым служили различные звери и птицы, царило гнетущее молчание. Потом чернавка глухо ответила:

- Она занята.

- И каким же таким важным делом занята Добродея, что не может выйти к своему тятеньке? – спросил до крайности изумлённый купец, не зная, как ему реагировать на подобное известие.

Яромила протяжно всхлипнула, не сдержавшись, и горестно проговорила:

- Шьёт погребальную одежду.

Услышав это, Доброжир почувствовал, что ноги отказываются служить ему, и, чтобы не упасть, он опустился на деревянную лавку, едва не переломив её своей тяжестью. Переведя дух, он только и смог вымолвить:

- Для кого?

- Для кого же ещё? – с удивлением посмотрела на него чернавка. – Знамо, что для себя. Аль позабыл ты, батюшка, что на днях потеряла она своо суженого, славного витязя Ратибора?

Как мог Доброжир забыть о том, что принесло его любимой дочери великое, неиссякаемое горе! Не только он, но все в городище знали, что Ратибор, пренебрегая старинными преданиями и суеверием, вошёл в пещеру в горе, называемую Перст Чернобога, тем самым прогнав мстительного языческого бога. Разозлившись, Чернобог сотряс гору, вызвав каменную лавину. И Ратибор оказался погребённым навеки в ужасной гробнице. Об этом поведал старый ратник Тишило, посланный княжеским воеводой Гостомыслом на поиски пропавшего Ратибора. Сам Гостомысл сообщил эту печальную весть его дочери перед тем, как уйти со своей дружиной в поход на Новгород, оказав ей невиданную честь. Но если бы Доброжир мог, он отказался бы от этой чести и вычеркнул бы из летописи жизни тот злосчастный день, когда его невинная Добродеюшка встретила Ратибора и полюбила добра молодца на свою беду...

- Так ведь не были они венчаны, - обескураженно проговорил Доброжир. – Не жена она Ратибору, чтобы носить по нему траур.

- Вот сам и скажи ей это, батюшка, - посоветовала, сморкаясь в кончик платка, Яромила. – Меня она и слушать не хочет. Я ей уж и то говорила, что сорок дней родственники покойного носят то платье, в котором их застало известие о его смерти, и только потом одеваются в траурные одежды. А она немедля потребовала домотканую материю, чтобы сшить рубаху с длинными рукавами и сарафан белее снега. Похоронить же себя велела в наряде невесты...

Голос чернавки пресёкся, и она, перестав сдерживать себя, зарыдала в голос, при этом жалобно причитая, словно Добродея уже лежала в могиле.

- Ай-ай, и пошто ты нас покидаешь, зоренька красная! Открой свои ясные глазоньки, взгляни на батюшку, горем убитого, на меня, горемычную...

Доброжир подскочил с лавки так резво, словно та вдруг превратилась в огнедышащую раскалённую печь.

- Цыть, дурища! – гаркнул он, погрозив чернавке огромным кулаком. – Вот я тебя ужо!

Перепуганная Яромила перестала причитать, но продолжала громко всхлипывать, глядя на купца бессмысленными и покорными коровьими глазами, из которых нескончаемым потоком лились слёзы.

- Где Добродеюшка? - спросил купец уже совсем не грозно, устыдившись своего беспричинного гнева. Яромила прислуживала его дочери с малолетства, заменив ей мать, умершую при родах. И её горе было неподдельным и не менее сильным, чем если бы она и в самом деле сама родила Добродею. Доброжир знал это и примирительным тоном попытался загладить свою невольную гневную вспышку, вызванную страхом за дочь. Самолюбие не позволяло ему просить прощения в открытую.

- Знамо, в светлице своей, - ответила чернавка, горестно вздыхая. И напутствовала его: – Иди, батюшка, вразуми кровиночку нашу своим отеческим словом!

Доброжир вышел из горницы и по лестнице, ступени которой скрипуче прогибались под его ногами, поднялся на второй этаж терема, где находилась комната Добродеи. Оказавшись перед дверью, он немного помешкал, а потом тихонько приоткрыл её. Картина, которую он увидел, поразила его сильнее, чем слова чернавки.

По желанию Добродеи в стенах комнаты было прорублено много окон, и обычно в ней было очень светло. Поэтому её и называли светлицей. Но сейчас ставни на всех окнах были закрыты, и горела всего одна восковая свеча, едва рассеивающая мрак. Сама Добродея сидела на полу с кусками домотканой материи серо-коричневого цвета на коленях, которые она сшивала большой иглой с продетой в ушко льняной ниткой, превращая в траурный наряд. Работа была не такой простой, как могло показаться несведущему человеку. Традиции предписывали, чтобы нить не делала узлов, а саму ткань не разрезали ножницами, а разрывали. Это требовало непомерных усилий от девицы, непривычной к тяжёлой физической работе, которую до этого за неё всегда делала услужливая чернавка. Но Добродея старалась изо всех сил, не вызывая о помощи. Это была пышнотелая девушка небольшого роста, чью внешность исказило горе, набросив мрачную уродующую тень на обычно миловидное личико. Заплетённые в косы светлые волосы девицы скрывал тёмный платок, старивший её.

Доброжир едва узнал свою дочь и, поражённый её новым обликом, тихонько простонал, не сдержавшись. Услышав его стон, Добродея подняла голову от шитья и впервые в своей жизни не улыбнулась, увидев отца. На мгновение Доброжиру показалось, что из глубины её глаз на него смотрит сама Мара, богиня смерти и покровительница ткачества. Он содрогнулся от ужаса, прошептал: «Храни меня Перун!» - и жуткое видение исчезло.

- Что ты делаешь, доченька? – робко спросил Доброжир, чувствуя непривычное смущение и не решаясь обнять и поцеловать дочь, как он это делал всегда раньше.

- Шью себе обнову, тятенька, - безжизненным голосом ответила Добродея и снова склонила голову над тканью.

- Какая же это обнова? – недоумённо возразил Доброжир. – Это скорее погребальный саван.

- Скоро он мне пригодится, - спокойно сказала девица. – И тебе не надо будет ни о чём беспокоиться.

На мясистом лице купца выступили крупные капли пота. А из глаз потекли невольные слёзы.

- Не говори так, доченька, - попросил он почти жалобно. – Тебе ещё жить да жить.

- А зачем? – равнодушно произнесла она. – В Нави мне будет лучше. Ведь ты же хочешь, тятенька, чтобы твоя дщерь была счастлива?

- Но живой! – запротестовал Доброжир. – Я не хочу, чтобы ты переселилась в Навь. Зачем тебе это?

- Ведь там, в загробном мире, я встречу со своим суженым и снова обрету счастье, - пояснила Добродея, и впервые тень улыбки тронула её губы.

- А если не встретишь? – спросил Доброжир, содрогнувшись от мертвящей улыбки дочери.

- Тогда я попрошу тамошних обитателей указать мне дорогу в блаженную страну Ирий, где произрастает Мировое древо, исполняющее желания. И умолю его свести меня с Ратибором, где бы он ни находился. А после мы, взявшись за руки, будем вместе ждать перерождения в новых телах, чтобы осуществить то, что нам не удалось - соединить свои судьбы в мире живых.

Добродея говорила, и её бледные щёки окрашивались в бледно-розоватый цвет, а мясистое лицо Доброжира, наоборот, приобретало землистый оттенок. Он видел, что его дочь уже всё решила для себя и отговаривать её бесполезно. Если только он сам не придумает такого, что развернёт её мысли и желания в противоположную сторону...

- Но я не это имел в виду, когда спрашивал, - сказал он. – А вдруг Ратибора совсем нет в Нави, и он всё ещё находится в нашем мире? В мире живых, в Яви.

- Но как такое может быть? – поразила Добродея. – Ведь ты сам, тятенька, слышал, что говорил княжеский воевода!

- Мало ли что баял Гостомysl! – пренебрежительно отмахнулся купец. – Он и передавал-то это со слов старого болтуна Тишило. А разве тому можно верить? Старик уж из ума давно выжил. Лепечет что ни попадя. Сам-то он мёртвого Ратибора не видал. Видел только засыпанный камнями вход в пещеру.

- Так ты думаешь..., - недоверчиво спросила Добродея, но свет надежды уже вспыхнул в глубине её глаз. – Что Ратибор мог выжить?

- Да запросто, - беспечно заявил Доброжир. – Такой удалой молодец нигде и никогда не пропадёт! Надо только подождать, пока он найдёт другой выход из пещеры и вернётся в городище.

- А если нет другого выхода? – горестно вздохнула Добродея, и её глаза снова потухли. – И Ратибор оказался замурован в пещере, где его ждёт неминуемая гибель от голода и жажды. Нет уж, лучше сразу...

Доброжир не знал, что на это сказать. Ему не приходило в голову никакого разумного возражения. Он был согласен с дочерью – если суждена смерть, то лучше мгновенная, чем долгая и мучительная. Однако он не хотел, чтобы Добродея укрепилась в этой мысли. Еще этого не хватало! Начнёт с Ратибора, а закончит собой...

Неожиданно сама Добродея пришла ему на помощь.

- А если обратиться за помощью к богам? – спросила она с таким видом, будто эта только что пришедшая ей в голову мысль поразила её саму. – Яромила мне говорила, что Бог отца Неждана милостив к людям, и если к Нему обратиться с просьбой, то Он исполнит её, и для этого вовсе не надо переселяться в Ирий. А что, тятенька, если я попрошу Его вывести Ратибора из пещеры в горе? Как ты думаешь, Он снизойдёт к моей молитве?

- Бог отца Неждана? – уничижительно произнёс купец. – Это тот, который себя-то не смог спасти, и его распяли на кресте? Где уж ему спасать других! Нет уж, если понадеяться на богов, то надо обращаться к самому могущественному из них. А более могучего, чем Перун, никого нет. Во всяком случае, я не знаю такого. Но мне ведомо, что если кто и может совладать с Чернобогом, то лишь он.

- Тятенька! – почти взмолилась Добродея, откладывая материю в сторону и вставая. – Давай обратимся к Перуну! А вдруг он спасёт Ратибора?

Доброжир слишком поздно понял, куда его завела собственная бездумная словоохотливость. Он хотел увести дочь от мыслей о смерти, а привёл её, возможно, к более худшему. Если боги и исполняют желания людей, то требуют за это непомерно большую плату. В прошлом он сам, отчаявшись, обратился к богине Мокоши с просьбой. И та позволила его жене зачать

ребёнка, но взамен взяла жизнь самой роженицы, и с тех пор он вдовствует. Чем придётся расплатиться Добродее? Купец содрогнулся при этой мысли.

Однако, когда дочь подошла к Доброжиру и с трогательной мольбой посмотрела в его глаза, он понял, что не сможет ей отказать. То плохое, что могло случиться, находилось в отдалённом будущем, а спасать Добродею нужно было сейчас, или он навсегда её потеряет. И потом всю оставшуюся жизнь будет корить себя за то, что испугался и даже не попытался уберечь свою дочь от смерти. А что может быть ужаснее смертных объятий Морены? Он готов пожертвовать собой, чтобы его дочь избежала их...

- Будь по-твоему, доченька, - сказал купец с тяжким вздохом. - Но для этого нам нужен жрец Перуна. - И он с затаённой надеждой спросил: - Быть может, я встречу с ним без тебя?

- Нет, я с тобой, тятенька, - решительно заявила Добродея. - Ты не можешь мне это запретить. А если жрецу нужно будет что-то узнать о Ратиборе, а ты этого не ведаешь?

- Тогда переоденься для верховой езды и спускайся во двор, - сказал Доброжир, поняв, что ему не удастся отговорить дочь, незачем даже и пытаться, теряя время. Если Ратибор действительно ещё жив, то каждая минута была на счету. Слишком много времени прошло с того дня, когда он стал жертвой гнева Чернобога. И если Ратибор умер от голода и жажды, то вернуть его из Нави в Явь не в силах будет сам Перун...

Добродея не заставила себя ждать, быстро сменив рубаху из дорогой ткани на платье из льна с широким подолом, который не сковывал движения при езде верхом. Волосы она скрыла под повойником, а поверх полотняной шапочки надела вышитый жемчугом шёлковый платок, называемый убрус, длинные концы которого спускались на её спину. На ноги она надела сапоги без каблуков и с невысокими голенищами из цветной кожи, также украшенные жемчугом. Доброжир, уже сидевший на гнедой лошади, а другую, серебристо-вороную, державший в поводу, с затаённой гордостью оглядел дочь. Этот наряд был одновременно и практичным, и богатым, не позволяя спутать её с простой крестьянкой.

Купец не узнавал свою дочь. Это была уже не та привычная ему Добродея, что не ходила, а плыла, как лебедушка по воде, и с посторонними говорила тихо, не поднимая глаз. В одночасье она будто переродилась или, что было вернее, превратилась из девочки в женщину. Это и забавляло, и пугало его, и вызывало щемящую грусть. Доброжир вдруг понял, что при любом исходе этой экспедиции в прошлое возврата больше нет. У его дочери есть только будущее, которое неотделимо от её суженого Ратибора. Или смерть, которой она сама предпочтёт безрадостную жизнь без любимого человека.

Легко вскочив в седло, Добродея звонко крикнула:

- Я готова, тятенька!

И они понеслись вскачь по узким улочкам городища по направлению к городским воротам, поднимая за собой густые клубы пыли. Когда пыль оседала на землю, то всадников уже не было видно, словно они были призраками.

Глава 2. Перунов день

Два коня, один красновато-рыжей масти с чёрными хвостом и гривой, а второй ослепительно чёрный, с гривой и хвостом светло-пепельного цвета, вихрем спустились с холма, на котором теснились простые избы и расписные терема городища, окружённого высокой бревенчатой стеной. Они поскакали, высекая подковами искры о придорожные камни, по просёлочной дороге, словно стремясь доскакать до слепящего глаза багрового шара прежде, чем тот скроется за лазурной кромкой горизонта, погрузив мир во тьму и превратив все надежды в несбыточные иллюзии.

Дорога, пролежавшая вдоль реки, своими прихотливыми изгибами напоминавшей ползущую в траве змею, вела к горе, вершина которой была похожа на каменный палец. И чем ближе была гора, тем медленнее скакал гнедой конь, то ли изнемогая под тяжестью своего тучного всадника, то ли потому, что тот помимо своей воли натягивал поводья, сдерживая бег. И когда серебристо-вороной конь, несущий на себе крошечную юную женщину, поравнялся с ними, мужчина, показывая на гору, прокричал, чтобы быть услышанным:

- Это и есть Перст Чернобога, проклятое место! Ещё не поздно повернуть назад, Добродея!

Но девушка, упрямо склонив голову к развевающейся по ветру гриве коня, проскакала мимо, ничего не ответив. И её спутник, прежде бывший проводником, тяжело вздохнув, в сердцах ударил своего коня плёткой, словно тот в чём-то провинился, и последовал за ней. Вскоре они поравнялись, и дальше уже скакали рядом, не отставая, но и не опережая друг друга, будто ведомые одной судьбой.

Гору окружал дремучий лес. Дорога, вильнув от реки, начала огибать его, словно не решаясь войти в чашу, где запросто можно было заблудиться и пропасть. Только самый отчаянный или отчаявшийся человек рискнул бы пойти напрямик через кишасшие дикими зверями заросли, где царил вечный сумрак. Однако всадники не вняли голосу благоразумия и не последовали дальше по проторенному пути. Натянув поводья, они остановили коней и спешились.

- Дальше мы пойдём пешком, - сказал Доброжир. И, опережая вопрос дочери, слегка раздражённо пояснил: - Лошади сквозь заросли не пройдут, только шкуру попортят.

- Хорошо, тятенька, - ласково ответила Добродея, словно пытаясь покорным видом и тоном загладить свою недавнюю вину непослушания. Она ещё не привыкла к тому, что безграничная до этого дня власть отца над ней закончилась, и тот сам признал это, когда уступил настоянию дочери и позволил ей сопровождать его в путешествии к горе, одно упоминание о которой вызывало суеверную дрожь у жителей городища.

Они привязали коней, чтобы те не убежали, к одиноко растущей на опушке лиственнице, и вошли в лес. Почти тотчас кроны деревьев сомкнулись над их головами, превратив ясный вечер в непроглядную ночь, которую освещали только пульсирующие жуки-светляки и фосфоресцирующие грибы, кучно облепившие гнилые пни. Казалось, нельзя было и шага ступить, чтобы не напороться на торчащий сук, или не споткнуться о поваленное дерево, или не упасть в овраг. Однако Доброжир шагал уверенно, словно он уже не раз бывал здесь прежде, и эта местность была ему хорошо знакома. Добродея шла, цепко держась за его руку, ни о чём не спрашивая и ни на что не жалуясь. Ей было страшно и одновременно любопытно, эти два противоположных чувства соперничали между собой в её душе, то беря верх, то уступая противнику. Сама же она во всём доверилась отцу и положилась на Мокошь, богиню судьбы, которая до недавнего времени была к ней всегда благосклонна.

Они шли, пока не наткнулись на небольшую поляну с росшим на ней могучим приземистым дубом и густо заросшую папоротником, который Добродея узнала по листьям, похожим на перья гигантской птицы. Растения были на вид такие древние, словно они росли здесь

с сотворения мира. Среди зелёных ветвей каплями крови алели небольшие цветки. Добродея вспомнила, что распустившийся цветок папоротника считается оберегом, защищающим от сглаза и болезней, и невольно потянулась к одному из них, чтобы сорвать. Но отец остановил её.

- Не смей, - сказал Доброжир непривычно суровым тоном. - Он принадлежит Перуну. Сорвав цветок, ты оскорбишь самого бога-громовержца.

Добродея отдернула руку, словно обжёгшись о крапиву. Однако спросила, недоумевая:

- Но почему, тятенька?

- По древним преданиям, тот, кто в Перунов день сорвёт цветок папоротника, обретёт сверхъестественные способности, - неохотно пояснил Доброжир. - Он сможет понимать язык зверей и птиц, видеть скрытыеклады, повелевать стихиями, и даже становиться невидимым или принимать любое обличие. Этот человек по могуществу своему почти сравняется с богом. Посуди сама, дочь моя неразумная, какому богу это понравится?

- А разве сегодня Перунов день? - поинтересовалась Добродея.

- Именно, двадцати червения, - кивнул Доброжир. - Нам повезло.

- Это почему же? - недоумённо спросила Добродея, недовольная запретом и потому пространявшая свою досаду на его первопричину. Отец крайне редко ей что-то запрещал, обычно потакая во всём.

- Потому что в этот день можно обратиться к Перуну с любой просьбой, и тот не откажет, - ответил купец с тяжким вздохом, свидетельствующим о том, что его это не радует. - Воину подарит заговорённый меч, который не сломается в самой жестокой битве, или щит, который не пробьют ни стрела, ни копьё. Девине - амулет, уберегающий от бесчестия и наветов. Старцу - оберег от преждевременной смерти.

- Так, значит, и нам Перун не откажет? - спросила Добродея с затаённым чаянием.

Но Доброжир замешкался с ответом, не желая внушать дочери напрасную надежду. Сам он рассчитывал на то, что Добродея, предприняв попытку спасти своего суженого, убедится, что это невозможно, и поневоле смирится с потерей. А смирившись, перестанет думать о своём переселении из мира живых в загробный мир, из Яви в Навь...

Не дождавшись подтверждения от отца, Добродея нетерпеливо поторопила его:

- Тогда чего мы стоим? Идём же скорее!

Но Доброжир покачал головой и сказал:

- А мы уже пришли.

И, к вящему удивлению дочери, он обратился к крупному чёрному ворону, который всё это время сидел на верхушке дуба и, наклонив голову, казалось, прислушивался к их разговору.

- Приветствую тебя, Гавран! Будь так добр, сообщи Гориславу, что известный ему и почитающий его купец Доброжир хочет свидеться с ним и обратиться с нижайшей просьбой.

Ворон громко каркнул, будто отвечая, и тут же улетел.

- Он испугался звуков твоего голоса, или ты умеешь разговаривать с птицами? - поинтересовалась Добродея, недоверчиво глядя на отца.

- Только с этой, - невольно улыбнулся тот, видя искреннее изумление дочери. - Но это не простая птица. Гавран издавна служит Гориславу, жрецу Перуна. И если и не говорит, как человек, то, во всяком случае, хорошо понимает наш язык. Я имел возможность не раз в этом убедиться.

- Так ты уже бывал здесь и знаком с жрецом Перуна? - живо спросила Добродея. - Почему же ты мне сразу этого не сказал, тятенька? И не говорил раньше?

- Мало ли с кем я знаком, - неопределённо произнёс Доброжир. - На то я и купец.

- И какие же у тебя торговые дела с жрецом Перуна? - продолжала настойчиво расспрашивать Добродея, поражаясь всё сильнее.

- Разные, - так же уклончиво сказал купец. - В основном он поставляет мне лесной мёд, а я ему - мечи, копы и разную воинскую утварь.

- А зачем Гориславу воинская утварь? – не унималась Добродея. – Я всегда думала, что жрецы – самые мирные люди на свете.

- Но ведь он жрец Перуна. Ты не находишь, что было бы странно, если бы служитель бога войны был равнодушен к оружию?

- А что жрец с ним делает? Развешивает по стенам своей пещеры и любитесь?

- А вот этого я не знаю, - покачал головой Доброжир. – Да и знать не хочу, по правде говоря. Если тебе интересно, спроси сама.

И, заметив, как сверкнули глаза дочери, предупредил её:

- Но будь готова к тому, что он не ответит, а то и прогонит тебя. И ты ещё дёшево отделаешься. На Востоке, где у меня также есть торговые партнёры, за излишнее любопытство человека побивают камнями. А тем, кто много болтает, отрезают языки.

Добродея ничего не успела сказать на это. Ей помешал Гавран. Ворон вернулся и начал кружить над ними, громко каркая, словно что-то говоря. А потом заросли папоротника раздвинулись, и из кущей показался человек, одетый и выглядевший крайне непривычно для Добродеи. Это был мужчина средних лет с чёрными, как смоль, волосами, перехваченными на лбу сыромятным ремешком и густым потоком спадавшими на плечи. Из одежды на нём была только просторная рубаха до пят, опоясанная простой верёвкой. Он был бос, но, по всей видимости, это не причиняло ему ни малейшего неудобства. В руках у него был не посох, как ожидала Добродея, имевшая своё представление о жрецах, а боевая секира. Его спину прикрывал большой щит каплевидной формы. Подойдя к ним, он опустил секиру древком на землю и стоял, опираясь на неё, с таким видом, будто был готов незамедлительно воспользоваться ею при малейшей угрозе или опасности. Несмотря на почти нищенское одеяние на груди у него на золотой цепи висел амулет из того же металла в виде большого овального диска, на котором был отчеканен старинный меч с украшенной драгоценными камнями рукояткой, пересекаемый шестью искрящимися лучами.

Добродея в своей короткой жизни, ограниченной стенами её светлицы, никогда не видела монахов-воинов, и вид жреца бога войны до крайности поразил её. Но Доброжир, уже не раз встречавшийся с ним, остался невозмутим и, несмотря на обуревавшую его тревогу, произнёс настолько приветливо, насколько мог в своём почти лихорадочном состоянии:

- Будь здоров, Горислав! Надеюсь, в твоей жизни не случилось ничего плохого за тот срок, что мы не виделись.

Горислав испытывающе взглянул на него и сказал:

- У меня всё ладно. Но ты ведь пришёл в неурочное время не за тем, чтобы узнать о моих заботах, а для того, чтобы поделиться своими. Поэтому не веди себя, как лиса, запутывающая следы, а говори прямо, что тебе нужно от меня.

Он перевёл взгляд на Добродею, стеснительно прячущуюся за спину отца, и потребовал:

- И начни с того, кто эта девица, которую ты привёл с собой, открыв ей, где находится моё жилище. И это вопреки своему обещанию хранить эту тайну от всех.

Добродея была потрясена. Она впервые слышала, чтобы кто-то говорил с её отцом таким повелительным тоном. Обычно все старались ему угодить, чтобы добиться его благоволения. Однако сам Доброжир ничуть не обиделся и почти заискивающе ответил:

- Прости меня, жрец Перуна! Но это единственная дочь моя, Добродея, кость от костей моих и плоть от плоти моей. Я и подумать не мог, что нарушаю клятву, приводя её сюда.

- Ты говоришь как приверженец христианской веры, - презрительно произнёс Горислав. – Отец Неждан был бы рад, услышав тебя. Видимо, яд его лживых речей проник в твою кровь и отравил её. Предвижу, что недалёк тот день, когда ты отречёшься от язычества и примешь христианство. – Его голос приобрёл угрожающий тон. - Но ты подумал, как отнесётся к этому князь Всеслав, истинный и надёжный оплот нашей веры? Не перевесит ли, купец, твой убыток выгоду, которую ты рассчитываешь получить, сменив веру?

- Это облыжные речи, жрец! - запротестовал Доброжир. – Я скорее умру, чем изменю князю Всеславу Полоцкому и нашей языческой вере. И пусть Перун покарает меня своими разящими молниями на этом самом месте, если я лукавлю, говоря это!

Искреннее возмущение купца, по всей видимости, произвело благоприятное впечатление на жреца, и тот смягчился.

- Я верю тебе, Доброжир, - сказал Горислав уже другим тоном. – И на этот раз прощаю тебя. Тем паче что дочь твоя обликом своим напоминает мне деву-воительницу Перуницу, дочь владыки нашего Перуна. Ты ведал о их внешнем сходстве, купец?

- Ни сном, ни духом, - заверил его заметно польщённый Доброжир. – Мне казалось, что она очень похожа на свою мать. Ну, и немного на меня...

- На тебя? – с сомнением посмотрел на него Горислав. – Если только ты будешь настаивать на своём внешнем сходстве с Перуном. А это вряд ли.

Он поманил к себе пальцем Добродею, и когда та вышла из-за спины отца, спросил её:

- А что ты сама об этом думаешь, девица? Ты что-нибудь знаешь о Перунице?

Щеки Добродеи заалели от смущения. Не решаясь поднять глаз на грозного жреца и потому глядя на его амулет, она, запинаясь, произнесла:

- Во время грозы Перун мечет молнии, а Перуница посылает дождь, чтобы оросить поля и подарить земле плодородие.

- Верно, - благосклонно кивнул Горислав. – А ещё Перуница, когда родная земля подвергается вражескому нашествию, сама берёт в руки оружие и вступает в смертельный бой с захватчиками. Если ты готова последовать за ней, то я могу провести обряд твоего посвящения в воительницы.

Не ожидавшая такого предложения Добродея растерянно оглянулась на отца, и тот поспешил ей на помощь.

- Это великая честь для моей дочери, жрец Перуна! – сказал Доброжир, делая шаг вперёд и снова заслоняя дочь своей могучей спиной. – И мы обязательно поговорим об этом, но чуть позже. А сейчас я прошу тебя выслушать нашу просьбу о помощи и донести её до Перуна. Только на его милость и уповаем.

- Владыка наш Перун-громовержец милостив, но не всякую просьбу исполняет, - несколько разочарованно произнёс Горислав. – Да и я не всякую доношу до него. Мало ли кто и что попросит... - И он наставительно заметил: - И предки наши знали, что не всё сбывается, чего желается, однако веру не теряли.

- Но ведь сегодня Перунов день, - напомнил Доброжир, понаторевший в торговых сделках и хорошо знавший, как вести переговоры, чтобы не упустить свою выгоду и получить желаемое. – Как говорится, желанный кус не мимо уст.

Горислав недовольно хмыкнул, не зная, что на это возразить. И неохотно буркнул:

- Ты излагай, а там поглядим.

Добившись своего, Доброжир потихоньку облегчённо вздохнул. Ему был хорошо ведом неуступчивый характер Горислава, и то, что жрец согласился его выслушать, было уже хорошо. Оставалось только так изложить свою просьбу, чтобы Горислав заинтересовался сам и захотел обратиться с ней к Перуну. Но убеждать Доброжир умел, в ораторском искусстве ему было мало равных от Константинополя до Газневидского государства, и своё несметное богатство он нажил во многом благодаря хорошо подвешенному языку. А потому он почти не сомневался, что дальше будет проще.

И, подобно тому, как талантливый полководец приступает к осаде считающейся неприступной крепости, полагаясь не только на общеизвестные законы военного дела, но и на собственные уловки, он начал свой рассказ так:

- Призываю в свидетели самого Перуна-Громовержца, что нет и не было более преданного ему воина, чем княжеский ратник Ратибор...

Глава 3. Перун снисходит к мольбе

Когда Доброжир закончил, Добродея рыдала в голос, жалея своего суженого и саму себя, а лицо жреца Перуна выражало недоумение.

- Так, значит, его звали Ратибор, - задумчиво произнёс Горислав после долгой паузы, во время которой купец пытался понять, какое впечатление произвёл он своим повествованием на жреца, но так и не понял. – Гавран говорил мне, что какой-то ратник вошёл в пещеру как раз перед тем, как обрушился её свод, но кто это был, он не знал...

Ворон, давно уже снова опустившийся на дуб, откуда ему было всё слышно и видно, хрипло каркнул, будто подтверждая слова жреца.

- Скажи на милость, купец, что понадобилось суженому твоей дочери в той пещере? – продолжал Горислав. - Как он вообще оказался в месте, которое все жители городища обходят стороной?

- Ратибор выполнял приказ княжеского воеводы, - слегка приврал Доброжир, чтобы непонятный ему самому поступок ратника произвёл благоприятное впечатление на жреца Перуна. - Он преследовал беглецов, которые едва не убили старого привратника Тишилу, мешавшего им открыть ночью ворота городища. Те скрылись в пещере, и Ратибор последовал за ними. Кто же мог знать, что Чернобог разгневется и сотрясёт гору?

Это прозвучало убедительно, и Горислав кивнул, соглашаясь.

- Если я тебя верно понял, ты хочешь попросить Перуна развеять в пыль завалившие вход каменные глыбы, чтобы Ратибор смог выйти?

Доброжир также кивнул в ответ, но уточнил:

- Этого желает Добродея. Она готова сама переселиться в Новь, если её заточенный в каменный поруб суженый покинет Явь. Несчастная вбила себе в голову, что коли им нельзя будет воссоединиться в мире живых, то ей остаётся уповать на мир мёртвых.

Горислав перевёл взгляд на девушку и сурово спросил:

- Истинно так?

Продолжая всхлипывать, Добродея часто закивала, не найдя в себе силы и мужества ответить вслух. Неумолимые глаза жреца пугали её, а жёсткое выражение его лица не предвещало ей ничего доброго. Однако неожиданно для неё голос Горислава прозвучал мягко, почти потечески.

- Будущая воительница войска Перуницы имеет право воззвать к самому Перуну. Тем паче когда речь идёт о спасении доблестного воина, не жалеющего своей жизни на поле брани к вящей славе бога-громовержца.

Это было сказано так, будто Горислав обращался к самому себе. А потом он произнёс уже для Добродей:

- Не плачь, девица, утри горшие слёзы. Я проведу обряд и передам богу-громовержцу твою просьбу. И даже присоединюсь к ней. А там пусть будет как будет. Не нам указывать владыке нашему Перуну, как ему поступать. Поэтому ты примешь с благодарностью любое его решение и смиришься. Ты обещаешь мне это?

Доброжир даже затаил дыхание в ожидании ответа дочери. Ждать ему пришлось долго, по ощущениям – вечность, боль в груди становилась всё сильнее, а биение сердца громче. И когда купец уже почти отчаялся, в сумраке, окружавшем их, прозвучало тихое «обещаю», подарившее ему радость, равной которой он не испытывал никогда в своей жизни.

«Если забыть тот день, когда Добродея появилась на свет», - подумал Доброжир, незаметно утирая невольные слёзы. – «А сегодняшний день я буду считать её вторым рождением».

И, повинувшись велению своей души, он громогласно произнёс:

- Славься, Перун!

Словно испугавшись его голоса, с дуба взлетел ворон. Он начал кружить над головами людей, истошно каркая, будто что-то крича. Но только Горислав понимал его. Однако жрец Перуна отмахнулся от птицы.

- Я помню, Гавран, помню, - произнёс он с досадой. – Но это может подождать. Лучше проводи нас кратчайшим путём к пещере, о которой ты мне говорил намерении. Той самой, где томится в заточении ратник Ратибор. И не говори, что это не настолько важно, как принести в жертву быка и его заговорённой кровью отметить каждого юношу, который хочет стать воином. А затем смотреть постановочную битву Перуна со Скипер-Змеем, пить медовуху, водить с девками хороводы и гулять до утра. На этот раз я не соглашусь с тобой. И сам Перун со своей дочерью Перуницей будут на моей стороне, поверь.

«Кхр-р», - недовольно ответил ворон, но спорить не стал и умолк. А затем он скрылся в чаще, но вскоре прилетел обратно – и снова улетел, будто приглашая людей идти за ним.

- Поспешим, - сказал Горислав купцу и его дочери. – Перунов день не вечен. Да и у меня действительно ещё много дел, Гавран прав.

Те не стали возражать. И они последовали за вороном, с той разницей, что тот летел, а им приходилось идти по земле, преодолевая множество препятствий, которые подстерегают путника в ночном лесу. К удовольствию Доброжира, идти пришлось недолго. Тучный купец, не привыкший передвигаться пешком, только начал уставать, когда перед ними – и неожиданно для них, будто появилась, соткавшись из окружающего их мрака, - возникла каменная громада, вонзающая свою заострённую вершину в небо, испещрённое точками звёзд. Даже Добродея, никогда не видевшая её прежде, поняла, что это и есть гора Перст Чернобога.

Горислав, глядя на груды камней, загромождающую им путь к подножию горы, спросил у ворона:

- Это то самое место?

Ворон утвердительно каркнул. Потом ещё раз, уже вопросительно. Горислав махнул рукой и сказал:

- Нет, ты мне больше не нужен, Гавран. Лети по своим делам!

Ворон улетел, на прощание коротко каркнув. Горислав повернулся к своим спутникам и сказал:

- Для совершения обряда мне нужен дуб, никакое другое дерево не подойдёт. Пока я буду искать его поблизости, ты, девица, собери сухие ветви для костра, а ты, купец, добудь огонь. У тебя есть огниво?

- Зачем оно мне? – растерялся Доброжир. – Я живу в городище, а не в дремучем лесу.

Даже Добродея поняла, что жрец мог обидеться на такие слова, указывающие на пропасть, разделяющую богатого купца и нищего отшельника, и сделала предостерегающий знак отцу. Однако Горислав будто не понял скрытого в них смысла и спокойно сказал:

- Тогда возьми моё. Надеюсь, ты умеешь им пользоваться.

Из холщового мешочка, прикреплённого к опоясывавшей его верёвке, он достал кремёнок, кресало и трут и протянул их купцу. А сам направился в заросли, почти вплотную подступавшие к горе. Дуб он нашёл почти сразу. Могучее дерево, раскинув сучья, возвышалось над другими деревьями, будто взяв их под свою защиту. Удовлетворённо кивнув, Горислав вернулся к своим спутникам и увидел, что Добродея уже насобирала целую охапку сухих веток, а Доброжир пытается поджечь их, усердно чиркая кремнем о кресало. При каждом ударе камня о стальной брусок возникал сноп искр, разлетающихся во все стороны и частично попадающих на трут из высушенного мха, который, однако, не начинал тлеть, словно в отместку за пренебрежительное отношение купца к огниву. Доброжир уже вспотел, и пот крупными каплями падал с его мясистого лица на землю, обильно орошая её. Ничего не говоря, Горислав взял из его рук огниво и легонько ударил кремнем о кресало. Искры попали на трут, и тот, к изумле-

нию и стыду Доброжира, сразу задымился. Вскоре огонь уже облизывал сухие ветки и траву, которые поднесла Добродея.

Однако Доброжира ждало ещё одно испытание. Подавая ему секиру, жрец велел:

- Сруби дерево, поруби на чурки и сложи их под дубом. Да выбирай дерево побольше. Нам нужен большой костёр.

- А ты не мог бы сам..., - робко произнёс купец, с опаской глядя на секиру, которую до этого он никогда даже не брал в руки.

- Мне нужно время, чтобы подготовиться к обряду, - сухо сказал Горислав. – Или ты проведёшь его сам, а мне поручишь развести костёр?

- Что ты, что ты! – испуганно замахал руками Доброжир. – Это я так сказал, не подумав...

Срубить дерево секирой для купца оказалось не проще, чем добыть огонь с помощью огня. Однако с этим делом он справился лучше, на этот раз вмешательство жреца не понадобилось. Когда выбранная им берёза превратилась в дрова, а те, благодаря Добродее, которая перенесла добытый ранее огонь на ветке, в пылающий костёр, Доброжир даже испытал чувство гордости из-за того, что смог справиться с порученным ему делом. Это было совсем не то же самое, что стоять за прилавком, продавая штучный товар, с чего он начинал, или проворачивать оптовые торговые операции с другими купцами, получая немалый барыш, однако по-своему ничуть не хуже. В нём словно проснулось атавистическое чувство, казалось, давно угасшее, переданное с кровью воспоминание о далёких предках, ходивших в звериных шкурах, добывающих пропитание охотой, а огонь – трением палки о палку. Это было волнительное ощущение, с лихвой искупающее боль от мозолей, натёртых рукояткой секиры. Доброжир чувствовал себя так, будто неожиданно провернул заведомо убыточную сделку с неожиданной выгодой для себя. У него даже прибавилось сил. И он охотно и без возражений срубил бы ещё одно дерево для костра, если бы жрец велел ему это.

Однако Горислав довольствовался тем, что было. Яростные языки пламени возносились высоко в небо, частично освещая ночной мрак, лес и громаду горы. Перед тем, как Горислав вошёл в круг света, он велел купцу и его дочери зайти за дуб и, затаившись, не выходить, пока он сам не окликнет их.

- Что бы вы не услышали и не увидели – ничему не удивляйтесь и не пугайтесь, вам ничто не грозит, пока вы находитесь под защитой священного древа Перуна, - сказал он тоном, не допускающим возражений. – Но если только попытаетесь ослушаться – пеняйте на себя. Я медного гроша не дам за твою жизнь, купец! А ты, девица, никогда не встретишь своего суженого – ни в Яви, ни в Нави. И Правь отвергнет тебя как нарушительницу божественных законов, истины и порядка.

Струсивший Доброжир и встревоженная угрозой Добродея скрылись за дубом, даже не подумав протестовать. А Горислав, взяв в одну руку секиру, а в другую – щит, который он снял со своей спины, начал медленно обходить кругом костра. При этом он стучал секирой о щит и выкрикивал слова, обращённые к языческому богу, жрецом которого он был.

- Перун-Громовержец, владыка всего сущего, услышь тихий глас мой, к тебе взывающий! И снизойди к моей мольбе, невысказанной, но тебе ведомой!

Глухой звон металла сливался со звуками человеческого голоса, и, дополняемый потрескиванием сгорающих в огне поленьев, образовывал своеобразную мелодию, вместе с огненными искрами возносящуюся в небо и с порывами ветра разлетающуюся по окрестностям.

- Как уберегаешь ты свое священное древо, могучий дуб, от разящих молний огненных, так защити и меня мощью твоей небесной от зла ведомого и неведомого! – взывал жрец Перуна, с каждой произнесённой фразой возвышая голос и убыстряя движение.

- Как орёл, твой верный спутник и вестник, поднимается к солнцу, так подними дух мой к вершине силы! Очисти поступки мои, мысли и помыслы от путей кривды и позволь мне

пройти день грядущий без усталости и уныния! И да защитит меня рассекающий тьму меч твой от врагов моих!

Если это и была молитва, то произносил её жрец бога войны, и оттого она звучала не жалобно, а воинственно, не умоляюще, а требовательно. И, словно негодуя, небо начало хмуриться. Одна за другой пропали звёзды, резкий холодный ветер пригнал мрачную тучу. Где-то вдали раздался гром и блеснула молния, за ней ещё одна, а потом молнии стали вспыхивать попарно и чаще. Громыхало всё сильнее. Гроза явно приближалась. В лесу стихли перепуганные ночные птицы, едва начавшие петь. Звери, собиравшиеся поохотиться, в страхе снова забились в норы. Редкие крупные капли дождя падали на листву, не утоляя жажды деревьев и высыхая прежде, чем упасть на землю. Всё предвещало бурю. И только жрец Перуна радовался ей.

- Будь благословенен ты во Прави, Нави и Яви! – уже не говорил, а кричал он во весь голос, стуча изо всех сил секирой о щит. - Славься, Перуне всевидящий, всевластный и велемудрый, во веки веков!

Из грозовой тучи, тяжело нависшей над горой, ударило несколько молний разом, осветив мертвенным блеском окрестности. Огненные стрелы вонзились в каменные глыбы, усеивающие подножие горы, и раздробили их на мелкие куски, которые подхватил внезапный порыв ветра и разбросал по сторонам, калеча деревья. Горислав спасся тем, что прикрылся щитом, о который ударился обломок скалы, оставив в нём внушительную вмятину. Сам Горислав, покачнувшись, едва устоял на ногах. Но даже после этого он не стал прятаться за деревьями, а продолжал славить Перуна.

Жрец умолк лишь тогда, когда молнии перестали сверкать, а гром стих. И так же внезапно затих ураганный ветер, словно он выполнил порученную ему тяжёлую работу и, утомлённый, удалился на покой. В наступившей тишине прозвучал слабый человеческий возглас:

- Благодарю тебя, Перун!

Голос был изнемогающий, но, несмотря на это, ликующий.

Произнеся эти слова, обессиленный Горислав упал, выронив из рук секиру и щит, подобно воину на поле брани, сражённому не вражеским мечом или стрелой, а смертельной усталостью. Догорающий костёр то почти затухал, то неожиданно разгорался опять, и тогда он щедро, будто золотыми монетами, осыпал искрами неподвижное тело. А те, попадая на рубаху, почему-то не прожигали её, а превращались в пепел, тёплый и мягкий, как меховое одеяло, под которым так уютно спать...

Когда жрец очнулся, над кромкой леса уже алел краешек солнца. Рядом с ним прямо на земле сидела Добродея, положив его голову на свои колени. Увидев, что Горислав открыл глаза, она застыдилась, и её щеки окрасились в цвет восходящего светила. Не менее смущённый Горислав поднялся и огляделся. Не увидев нигде Доброжира, он недоумённо спросил:

- А где твой тятя, девица?

- Там, где ты приказал ему быть – за дубом, - ответила Добродея, тоже вставая и отряхивая пепел с платья. – Ждёт, пока ты разрешишь ему выйти. Или ты забыл, как грозил ему?

- Но и тебе тоже, - напомнил Горислав. – Однако ты не послушалась.

- Мне стало страшно за тебя, - тихо произнесла Добродея, опуская глаза. – Когда всё стихло, я выглянула из-за дерева и увидела, что ты лежишь на сырой земле, неподвижный и, мне показалось, бездыханный. И я подумала, что тебе нужна помощь...

Она смолкла, не договорив. Молчал и Горислав. Он давно уже не слушал девушку, а смотрел на гору, в которой зияла брешь, похожая на пролом в крепостной стене, пробитый стенобитным орудием. Приняв его молчание за осуждение, Добродея подняла голову и покаянно проговорила:

- Ты только не подумай, что тятенька не удерживал меня! Он не пускал, клянусь младенцем Колядой, с которого начинается поворот солнца на весну. Но я не послушалась его. Так что карай одну меня. Тятенька ни в чём не виноват!

Однако Горислав по-прежнему не отвечал. Сделав ей знак следовать за ним, он направился к горе. Подойдя к небольшому отверстию в каменных глыбах, через которое мог бы протиснуться лишь тщедушный человек небольшого роста, Горислав остановился и с опаской заглянул в него. Изнутри на него пахнуло сыростью и холодом. Горислав крикнул – отозвалось эхо. Сомнения оставили его – брешь вела в пещеру, дальний конец которой, скрытый темнотой, уходил в глубину горы. А это значило, что Перун снизошёл к просьбе своего жреца, и посланные им молнии и ветер расчистили заваленный камнепадом вход в пещеру, в которой пропал ратник Ратибор.

Услышав за своей спиной учащённое человеческое дыхание, Горислав оглянулся. Это была Добродея. Уже догадавшись о том же, что и жрец, девушка не могла понять, радоваться ей или горевать, и вопросительно смотрела на него, ожидая, что он скажет. В зависимости от его слов Добродея была готова разрыдаться от горя или рассмеяться от счастья. Поэтому её личико выражало целую гамму чувств, стремительно сменяющих друг друга.

- Позови своего суженого по имени, - велел Горислав, уступая ей место возле отверстия в горе. – Быть может, он откликнется.

Добродея набрала в грудь побольше воздуха, засунула голову в пролом и что было сил крикнула:

- Ратибор!

Сначала Добродее показалось, что она слышит чей-то голос в ответ. Но это было лишь эхо, долго издевательски повторявшее за ней имя её суженого...

Она крикнула ещё несколько раз, но всё с тем же результатом. Ратибор, если он действительно входил в эту пещеру, был либо уже мёртв, либо не мог ответить, находясь в бессознательном состоянии. Это объяснил Добродее жрец, посчитав, что лукавить с девушкой, щадя её чувства и внушая ложную надежду, нет смысла.

- Но что же делать? – спросила она, уже собираясь разрыдаться. И сама же ответила на свой вопрос: - Надо войти в пещеру и осмотреть её внутри. Быть может, Ратибор ещё жив...

Горислав был согласен с ней. Он и сам бы давно сделал это, но пролом в горе был слишком мал для него, протиснуться внутрь удалось бы только Добродее. Однако жрец опасался отпускать её одну. И на то у него были веские причины.

Ночью, когда после проведённого обряда он впал в бессознательное состояние, похожее на транс, у него было видение, которое потрясло его. Будто воочию он видел, что к нему с грозовой тучи, освещаемой вспышками молний, снизошёл сам Перун и поведал, что это не простая пещера, а врата времени. И тот, кто воспользуется ими, нарушит законы природы и может принести неисчислимые бедствия своим потомкам или предкам – в зависимости от того, в каком направлении был совершён этот переход.

Горислав не понял многое из того, что говорил ему Перун, и ещё больше забыл, когда очнулся, но главное он запомнил: пещера – это смертельно опасно. И лучше упасть с раскалённого докрасна Калинова моста в смрадную и зловонную реку Смородину, переходя из мира живых в царство мёртвых, чем выйти из этой пещеры не тем же путём, каким вошёл.

И когда жрец понял, что ему не удастся переубедить Добродею, и она всё равно войдёт в пещеру, надеясь отыскать своего суженого, он самым суровым тоном, на какой только был способен, предупредил её:

- Запомни, девица: ни в коем случае не выходи из пещеры с другой стороны горы. Иначе погубишь и себя, и тятю, и своего суженого не спасёшь.

И только когда Добродея клятвенно пообещала не нарушать его запрета, смятенная душа жреца Перуна немного успокоилась, и он, скрепя сердце, отпустил её на поиски Ратибора.

Добродея с трудом протиснулась в отверстие в горе и скрылась во тьме пещеры. А жрец Перуна вернулся к дубу, обойдя который он нашел Доброжира, мирно спящего богатырским сном на траве, вероятно, казавшейся купцу мягче перины после минувшей бессонной тревожной ночи. Горислав не стал его будить, а вернулся к горе и, присев на валун, начал дожидаться возвращения Добродеи.

Глава 4. Добродея нарушает клятву

Свет в пещеру проникал только через узкую расщелину в скале и почти сразу растворялся во мраке. Добродее пришлось подождать, пока её глаза свыкнутся с темнотой, но даже после этого ей пришлось идти с вытянутыми руками, чтобы не раскроить себе голову, наткнувшись на какой-нибудь каменный выступ. Она часто спотыкалась и даже падала, но ту же вставала и продолжала поиск.

Самым разумным было бы не бродить во тьме почти вслепую, а окликнуть Ратибора. Но Добродея боялась кричать и даже заговорить, опасаясь того, что на призыв откликнется не её суженый, а сам Чернобог, во владениях которого она находилась. Поэтому какое-то время она молча бродила по пещере, пока не убедилась, что та её часть, которую хоть как-то освещала полоска света, пуста. Надо было идти дальше, туда, где мрак был непроницаем, а потому воображение девушки населяло его всевозможными ужасами и чудовищами. И вряд ли она решилась бы на это, если бы ей под ноги не попался какой-то предмет, отлетевший в сторону с металлическим звуком, немедленно отозвавшимся жутким эхом.

Перепуганная Добродея едва не бросилась бежать обратно к расщелине, однако любовь к Ратибору, которая привела её сюда, а ещё более любопытство пересилили страх. Она присела и начала шарить по земле руками, пока её пальцы не прикоснулись к холодному железу. Это был воинский шлем. Взяв его в руки, Добродея нащупала глубокую вмятину. Она невольно вскрикнула, снова разбудив эхо, долго гулявшее под сводами пещеры. Внимательно осмотрев, Добродея узнала его – это был шлем Ратибора. Или точно такой же – сфероконической формы, с массивным металлическим наносником, расширявшимся книзу, и бармицей, прикреплённой сзади и с боков.

Теперь у Добродеи не осталось ни малейшего сомнения, что Ратибор был здесь. Вмятина в шлеме свидетельствовала о том, что при землетрясении ему в голову попал камень, однако не убил его.

«А когда Ратибор убедился, что он находится в каменном плену, – подумала девушка, – то в поисках выхода он направился вглубь пещеры...»

И, забыв о недавнем страхе, Добродея отправилась вслед за своим суженым.

Шлем она взяла с собой, рассчитывая вернуть его Ратибору при встрече. Девушка представляла, как он обрадуется, получив обратно свой шлем, который, несомненно, был ему дорог по многим причинам. Сердце Добродеи замирало от предвкушения того, что случится после этого. Мысли, как вспугнутые птицы, мелькали в её голове. Быть может, Ратибор даже поцелует её... Разумеется, если она позволит ему такую вольность... Но, конечно же, она не будет к нему слишком строгой, учитывая, что ему пришлось пережить. Да и ей самой...

Волнуемая такими помыслами, Добродея не замечала, как долго она идёт и как далеко зашла. Просторная вначале пещера начала суживаться, а потом превратилась в узкий проход с низко нависшим над её головой сводом, по каменным стенам которого сочилась вода, и где неприятно пахло сыростью и плесенью. Затем проход начал расширяться, и вскоре девушка снова оказалась в большой пещере. Здесь темнота была уже не такой густой, и можно было даже видеть, что её стены, будто отражая солнечный свет, непонятно как сюда попадающий, тускло светятся желтоватым блеском. Благодаря своему юному возрасту и воспитанию, Добродея была довольно неискушённой в материальной стороне жизни и во многом наивной, но даже она поняла, что это не имитация, а самое настоящее золото.

Этот драгоценный металл был здесь повсюду. Золотые жилы, словно застывшие полноводные реки, текли по своду и стекали по стенам. Даже камни под ногами были не простыми, а самородками. Их было очень много, словно кто-то расстелил на полу драгоценный ковёр. Но

у Добродееи это вызвало только досаду. Из-за самородков ей было трудно ступать по земле. А Ратибора не оказалось и здесь, в чём девушка быстро убедилась.

Разочарованная, она уже почти решила повернуть назад, но неожиданно увидела отверстие в скале, которое могло оказаться ещё одним проходом уже в третью пещеру. В голову Добродееи пришла мысль, что под горой находится целая анфилада пещер, соединённых узкими лазами, и в одной из них она может найти Ратибора, изнемогающего от раны, голода и жажды. Эта фантазия показалась ей правдоподобной, а надежда на долгожданную встречу с Ратибором придала сил и мужества. Равнодушно пройдя золотую пещеру, Добродеея пошла дальше.

На этот раз идти было легче. Со свода на голову не капала вода, а уже через несколько шагов впереди забрезжило робкое сияние, рассеивающее темноту. Вскоре девушке стало ясно, что это был дневной свет. Как и то, что её путешествие заканчивается. Но Ратибора она так и не встретила.

Вероятнее всего, подумала Добродеея, он прошёл тот же самый путь, что и она, и вышел по ту сторону горы. Но если она поступит так же, то нарушит клятву, которую дала жрецу Перуна. А если остановится, то не найдёт своего суженого и, быть может, навсегда потеряет. Будет жить, стариться, и никогда не узнает, что с ним произошло. Это будет терзать её душу и плоть и раньше времени сведёт в могилу...

Перед Добродееей стоял непростой выбор. На одной чаше весов была её клятва, на другой – Ратибор...

Добродеея не задумалась бы ни на мгновение, что выбрать, если бы её не пугала мысль, что своим поступком она вызовет гнев Чернобога. А это было не то же самое, что укоры жреца Перуна, которые не могли принести ей ни малейшего вреда, если не считать угрызений совести. Жрец поругает – и простит. А Чернобог – никогда, он будет мстить и впредь. То, что случилось с Ратибором, тому подтверждение. И кто знает, чем ей грозит непослушание...

Но, с другой стороны, подумала Добродеея, до этого ей всегда везло. Она делала то, что хотела, и избегала наказания. Видимо, бог удачи и счастья сопутствовал ей. Почему же Белобог, неизменно соперничающий с Чернобогом, вдруг отвернётся от неё?

Добродеея даже радостно рассмеялась, такой разумной показалась ей эта мысль. На мгновение ей почудилось, что она видит перед собой мудрого старца с длинной белой бородой, одетого в светлые одежды, который ласково улыбается ей и приветливо машет рукой. А за старцем расстилалось пшеничное поле, по которому скакал белоснежный конь, неся на своей спине всадника, статью и нарядом похожего на Ратибора...

Это видение избавило Добродеею от сомнений. И она без колебаний пошла на дневной свет, который становился всё ярче, слепя её привыкшие к темноте глаза и даря ей надежду на счастье.

Первое, что ей бросилось в глаза – изуродованный лес, окружающий гору. Однажды Добродеея видела, как княжеские ратники играют, выбивая большой деревянной палкой несколько маленьких чурок, уложенных в причудливую фигуру в некотором отдалении. Игра называлась городки и требовала больших физических усилий от участников. Но то, что она увидела сейчас, потрясло её. Могло показаться, что некий великан забавлялся, бросая гигантскую палицу в деревья и калеча их. Вероятно, он же сшиб и вершину горы, которая теперь выглядела не направленным в небо пальцем, а культёй. Причём обломали верхушку за то время, пока она проходила анфиладу пещер. Добродеея хорошо помнила, что когда она входила в подземелье по ту сторону горы, то каменный палец ещё грозил небесам.

Стоя на пороге пещеры, Добродеея осторожно, как мышка, опасаясь затаившейся кошки, огляделась, но не заметила ни великана, ни даже Ратибора, которого она надеялась увидеть по эту сторону горы. Это сильно огорчило девушку. Она едва не повернула обратно, но её удержала внезапная мысль, что, возможно, Ратибор, выйдя из пещеры, был вынужден вступить в схватку с одним из тех былинных богатырей, о которых ей в детстве рассказывала

Яромила. И ратник либо одолел его и теперь окольным путём направляется в городище, либо, искалеченный так же, как лес и гора, прощается, если только уже не простился, с жизнью где-нибудь поблизости. И если она найдёт следы и пойдёт по ним, то догонит его, и они вместе вернутся домой. Или спасёт от смерти, перевязав раны. А, быть может, проводит в последний путь, оплакав бездыханное тело...

Из трёх возможных вариантов сама девушка предпочла бы возвращение домой с живым и невредимым Ратибором, но вариант со спасением суженого от неминуемой смерти был также хорош. О худшем она старалась не думать, однако это ей плохо удавалось.

Но, так или иначе, а Добродея пошла на поводу у своего воображения и, окончательно презрев предостережение жреца Перуна, приступила к поискам следов, которые привели бы её к Ратибору. Шлем мешал ей, и она положила его на траву, почти сразу забыв о нём и о своём недавнем желании вернуть его хозяину.

Ей не пришлось долго искать. Небольшое пространство между горой и подступающим к ней лесом было истоптано множеством человеческих ног, проложивших в траве тропинку, не заметить которую было невозможно. По ней Добродея и пошла, не найдя ничего, что подтвердило бы её худшие опасения, и полагая, что Ратибор выбрал именно этот путь для возвращения в городище. Это суждение было хорошо тем, что оно отвергало ранение и смерть Ратибора, а потому Добродея охотно отдала ему предпочтение, не утруждая себя раздумьями над тем, почему тропинка идёт не вокруг горы или в гору, что было бы кратчайшим путём, а уводит в сторону от неё. В оправдание Добродее можно было бы сказать, что при рождении бог мудрости Велес не поцеловал её в темечко, но до недавнего времени это не мешало ей быть счастливой, а ничего другого она и не желала...

Чем дальше Добродея уходила от пещеры, тем спокойнее и увереннее чувствовала себя. Гора Перст Чернобога имела дурную славу. В её окрестностях иногда пропадали люди, что порождало среди жителей городища суеверные слухи. Об этом Добродее также рассказывала чернавка Яромила, и девушка верила, что злобный мстительный бог карает тех, кто вторгается в его владения. Только любовь к Ратибору позволила ей преодолеть свой страх перед горой, и теперь Добродея была рада, что с каждым шагом отдаляется от неё. Если бы не тревожная неопределённость относительно судьбы Ратибора, она даже запела бы. До этого дня она редко выходила из дома, а тем более за ворота городища, и никогда ещё одна. Ощущение свободы, дурманящие запахи лесных трав, ласкающие слух трели птиц – всё это пьянило девушку. Дойдя до цветущего поля, она сорвала несколько цветов, сплела из них венок и надела его на голову. Ей казалось, что так она похожа на Тару, богиню-покровительницу лесов и рощ. Добродее хотелось полюбоваться на себя, но вокруг, насколько она могла видеть, не было даже крохотного водоёма, чтобы лицезреть в нём своё отражение. Это огорчило её, но ненадолго.

А потом она увидела небольшой пенёк, когда-то бывший тоненькой берёзкой, и забыла обо всём остальном. Не было сомнений, что деревце не обломали, а перерубили мечом, и это свидетельствовало о том, что она шла в правильном направлении. Добродея была почему-то уверена, что только Ратибор мог сделать это, хотя она так и не поняла, зачем ему это понадобилось.

«Если только он устал и использовал берёзку как посох», - предположила она. И пожалела его: – «Бедненький мой!»

На пенёке сидела большая бородавчатая жаба, сухая кожа которой уже начала трескаться под солнцем. Жаба, беззвучно открывая и закрывая рот, смотрела на девушку выпученными печальными глазами, словно безмолвно умоляя её о чём-то. Вокруг пенёка на земле валялось множество других лягушек, уже мёртвых. По всей видимости, ещё недавно здесь было болото, в котором они жили, но по какой-то неведомой причине оно внезапно высохло, а его обитатели погибли без воды. Зрелище было отвратительным, и Добродея поскорее прошла мимо. Но ещё

долго её преследовало это видение, омрачая радость от мысли, что Ратибор жив, и совсем скоро они встретятся.

Сразу за бывшим болотом начинался лес, в котором побег молодняка уверенно и успешно пробивали себе дорогу сквозь останки старых деревьев, переломанных и вывороченных с корнем из земли. Пронизанный лучами солнца возрождающийся лес уже начинали обживать птицы, звери и насекомые. Распевали свою своеобразную песню рябинники, невнятно чередуя скрип, свист и другие резкие звуки. Монотонно гудели дикие пчёлы, облетающие цветущие растения, чтобы собрать с них нектар и пыльцу. Где-то сыто хрюкала дикая свинья, лакомясь червями, которых она добывала из-под корней растений. Добродею не пришлось пробираться через бурелом, рискуя поцарапать кожу и порвать платье – едва она прикасалась к иссохшим стволам, как те рассыпались в прах.

Это была лёгкая и очень приятная прогулка, однако имевшая неприятные последствия – в зарослях новых всходов затерялись следы, по которым до этого шла Добродея. Скорее всего, пропали они чуть раньше, ещё в высохшем болоте, но только сейчас Добродея это заметила. Тогда ей ориентиром послужила срубленная берёзка, но теперь ей надо было идти наугад, полагаясь только на собственную интуицию. Однако Добродея недолго печалилась. На всякий случай прокричав несколько раз имя Ратибора и не получив ответа, она продолжила свой путь, ни о чём не беспокоясь и не боясь заблудиться в незнакомом лесу. И это не было глупой, ничем не обоснованной беспечностью, как могло бы показаться стороннему наблюдателю. Просто её доверие к Белобogu было так велико, что девушка ни на мгновение не усомнилась в том, что удача будет сопутствовать ей и впредь.

Но, возможно, Белобог не понимал, что для Добродеи было истинным благом. А потому он направил девушку не к Зачатьевскому озеру, на дне которого покоилось тело её суженого, утопленного русалкой, а в противоположную сторону, к дому бабки Ядвиги, одиноко живущей в своей избе посреди дремучего леса.

И вскоре деревья внезапно расступились перед Добродеей, и она вышла на поляну, посреди которой возвышался срубленный из сучковатых бревен небольшой, но ладный домик. Его остроконечную крышу венчал скрипучий флюгер в виде совы, а в оконце выглядывала то ли древняя старуха, то ли молодая женщина – из-за слепящего глаза солнца Добродея не смогла издали определить её истинного возраста. У неё были впалые щеки, туго обтянутые пергаментной кожей скулы, заостренный подбородок и длинный крючковатый нос. Однако, несмотря на столь отталкивающую внешность, хозяйка дома почему-то сразу понравилась Добродее.

Вероятно, и сама девушка пришлась по душе бабке Ядвиге, потому что она ласково произнесла:

- Добро пожаловать, юная странница! Из Куличков путь держишь или ещё откуда?

- Издалеча, - ответила Добродея, которая до этого никогда в жизни не уходила из дома так далеко и надолго.

- А как же тебя матушка отпустила одну? – изумлённо спросила бабка Ядвига.

- Нет у меня матушки, - горько вздохнула Добродея. – Померла, родимая.

- Ах, ты, сиротинушка моя горемычная, - сочувственно покачала головой бабка Ядвига.

На её глаза навернулись слёзы от жалости к девушке. – Небось, притомила в дороге?

- Чуток, - сказала Добродея. Но, избалованная в родительском доме вниманием и заботой, не смогла удержаться, чтобы не пожаловаться: – Ноги вот только натёрла.

Бабка Ядвига посмотрела на её украшенные жемчугом сапоги из цветной кожи и презрительно хмыкнула.

- В такой обувке не вёрсты считать, а токмо в доме на печи лежать.

Добродея промолчала, признавая правоту её слов. Эти красивые и очень дорогие сапоги были предназначены для верховой езды, и когда она их надевала, то не предполагала, что ей придётся путешествовать пешком.

- А ты заходи! – предложила бабка Ядвига. – Ножки твои подлечим, покормлю тебя. А потом иди туда, куда глазки глядят, и душенька зовёт.

Услышав приглашение, Добродея неожиданно почувствовала, что она действительно сильно устала и проголодалась.

«Кроме того, я могу расспросить эту добрую женщину о Ратиборе», - подумала девушка. – «А вдруг он проходил мимо, как и я, или она что-то слыхала о нём от других путников?»

Последний довод оказался решающим. Не став возражать, Добродея поднялась на крыльцо и вошла в дом.

Глава 5. Одурь-трава

Ступив на порог комнаты, Добродея низко, до земли, поклонилась и произнесла:

- Мир вашему дому!

Сидевшая на лавке у окна бабка Ядвига отложила в сторону вязание, поднялась и, в свою очередь отвесив поясной поклон, ответила:

- С миром принимаем!

Подойдя к Добродее, она сняла с её головы убрус и повойник со словами:

- Ты ведь ещё не замужняя, можешь походить и простоволосой, стыда в том нет. В родном доме, небось, свои косы под головным убором не прячешь? Так и в моём не надо. Будь как дома!

Добродея чувствовала неловкость, она не знала, как себя вести, чтобы не обидеть радушную хозяйку. Яромиле не раз ей говорила, что люди более низкого социального статуса крайне чувствительны. Любое слово или поступок гостя они могут истолковать как проявление пренебрежения к ним, особенно если тот богат или знатен. А хозяйка этого дома, судя по всему, принадлежала к презренному сословию смердов. На это указывало её скромное платье из дешёвой ткани, поверх которого была наброшена изрядно поношенная короткая телогрейка мехом наружу. Нищенской выглядела и комната, в которой из мебели находились лишь обеденный стол с несколькими стульями да девичья, как её называла всё та же чернавка, узенькая кровать. Вдобавок ко всему в углах и под потолком пауки сплели свои ажурные сети, служившие единственным украшением помещения. Если бы тятенька увидел подобные тенёта в её светлице, то Яромиле не удалось бы избежать сурового наказания, несмотря на все привилегии, которыми она пользовалась в их семье. Добродея привыкла к роскоши отеческого терема, и то, что она увидела, показалось ей убогим. А когда она поняла, что эта комната единственная в доме, её предположение о смердах превратилось в уверенность.

Однако саму хозяйку её нищета, по всей видимости, абсолютно не смущала. Ничтоже сумняшеся, она держала себя на равных, а то и покровительственно, с дочкой богатого купца, одно платье которой стоило дороже, чем её дом со всем, что в нём находилось. Это удивляло Добродею, но одновременно и забавляло. Она словно играла в некую игру, в которой ей досталась определённая роль, и не было смысла протестовать, потому что игра скоро закончится, и всё вернётся на круги своя. Но зато, думала девушка, она могла приобрести новые впечатления, которых, признаться, ей так не хватало в её жизни, ограниченной строгими правилами приличия и благопристойности, ежедневно почти с рождения внушаемые ей Яромилей, а иногда и самим тятенькой...

- Да ты садись, деваха, - сказала бабка Ядвига, придвигая к ней стул. - Сейчас я быстро соберу на стол, а когда поснедаем, займемся твоими мозолями.

При упоминании о мозолях Добродея невольно покраснела от смущения. У благовоспитанной девушки не могло быть мозолей на ногах, во всяком случае, говорить об этом вслух не полагалось. Она нерешительно присела на краешек стула и робко произнесла:

- Я хотела выспросить, не видала ли ты мужа, видного собой...

Но бабка Ядвига не дала ей договорить.

- Так вот оно что! - воскликнула она, с нарочитой строгостью грозя девушке пальцем с длинным изогнутым ногтем. - А не рано ли тебе за парнями бегать, девонька? Неровен час, и честь можно потерять.

- Это суженый мой, Ратибор, - с достоинством возразила Добродея. И её щеки снова запылали, но уже от гнева. - И в том нет бесчестия, что я разыскиваю его.

- Так ведь я поносных слов вроде не говорила, - пошла на попятный бабка Ядвига, видя искреннее возмущение девушки. - А если невзначай чем обидела, то прости старуху. В глуши

живу, от человеческой речи почти отвыкла. А твоего суженого-ряженого я не видала. Может, стороной прошёл. Из моего окошка много не увидишь.

Добродея печально вздохнула, прощаясь с надеждой что-то узнать от старой бабы о Ратиборе. А бабка Ядвига заинтересованно спросила:

- А куда направляется-то он, тебе ведомо?

- То-то и оно, что нет, - призналась Добродея. – Было бы ведомо, так разве шла бы за ним?

- Ох, что-то ты темнишь, деваха, - сказала бабка Ядвига, проницательно глядя на неё.

- И мысли твои словно белки по ветвям скачут, не могу понять, о чём меречаешь... Вроде и проста ты, а замысловата.

- Мерещится это тебе, - сказала Добродея, испытывая стеснение под взглядом старухи, будто раздевающим её.

- И одета ты вычурно, не по-нашенски, - задумчиво продолжала бабка Ядвига, словно не услышав её. - Впервые такую встречаю. А уж, казалось, навидалась на своём веку всякого.

Помолчав, она неожиданно резко спросила:

- Кто ты и откуда? Признавайся как на духу!

Но растерявшаяся Добродея молчала. Тогда бабка Ядвига, уже намного мягче, сказала:

- Не для того тебя пытаю, чтобы казнить. Помочь хочу. Не делом, так советом.

- Могла бы помочь, если б ведала о Ратиборе, - надменно произнесла Добродея, снова вспомнив о том, что она дочь богатого купца, а старуха всего лишь простолюдинка. – Тогда бы я тебя щедро вознаградила за твою услугу. А так нет мне в тебе надобности.

- Ну что же, поступай как знаешь, девонька, - не стала настаивать бабка Ядвига,. – Трапезничать-то будешь, али побрезгуешь моими пирогами? – Её голос стал мягким, завораживающим: - С утра будто сердце мне подсказало, что днесь будут гости – тесто замесила, на противень уложила, взбитыми желтками смазала да в печь поставила. Курник получился – пальчики оближешь! С сочной мясной начинкой, хрустящей корочкой...

- Если от чистого сердца потчуеть, то не погнушаюсь, - ответила Добродея, не сумев устоять перед искушением. Запах свежее испечённых пирогов, стоявший в воздухе, напомнил ей, что со вчерашнего дня она ничего не ела.

- Тогда, прежде чем за стол сесть, иди на двор к колодцу, умой личико и ручки, - всё тем же обволакивающим голосом велела бабка Ядвига. - Не то, коли пожелаешь, баньку растоплю. Берёзовый веничек дам да самодельное мыльце из овсяной муки с добавлением травяных отваров. Будто заново на свет белый народишься! А я так мыслю, что который день паришься, тот день не старишься.

- Спешу я, - почти с сожалением отказалась Добродея. - В баню схожу, когда домой вернусь.

- Оно и ладно, - кивнула бабка Ядвига. – Неволить не буду. А к колодцу-то сходи. Уж больно ты чумазая, девонька!

Добродея обиженно фыркнула, но смолчала. И горделивой походкой, которой её долго учила Яромила, называя это «ходить павой», вышла из комнаты.

Колодец, который она нашла, обойдя дом, был с воротом. Чтобы поднять из его тёмной гулкой глубины на поверхность наполненное водой ведро, прикреплённое цепью к барабану, надо было крутить деревянную ручку, что требовало немалых усилий и ещё большей сноровки. Для Добродеи это стало настоящим испытанием. Ведро то поднималось почти пустым, то, уже стоявшее на срубе, падало обратно в колодец, а то ворот вдруг вырывался из рук и под тяжестью наполненного водой ведра начинал бешено вращаться в обратную сторону, грозя покалечить девушку. Добродея измучилась, прежде чем ей удалось справиться с этой задачей. Зато удовольствие, с которым она черпала ладонями воду, чтобы плеснуть её себе в лицо, было несопоставимо с обычным умыванием из рукомойника, поставленного в её светлице по приказу тятеньки и заботливо наполняемого услужливой чернавкой Яромилой...

Тем временем бабка Ядвига, чувствуя радостное возбуждение, порывисто сновала из комнаты на кухню и обратно. Из печи она достала пышущий жаром курник и, не разрезая, в большом расписном блюде, которое использовалось только по праздникам, выставила его на стол. Окружила пирог снедью, которую в изобилии поставлял ей лес – в многочисленных тарелках и вазочках лежали грибы, ягоды, орехи, мёд в сотах, варенье. Завершал картину самовар на дровах, который она растопила сосновыми шишками, чтобы придать чаю особый смоляной аромат.

Когда всё было готово, бабка Ядвига выглянула в окно. Но она не стала окликать девушку, а, увидев, что та ещё не скоро вернётся в дом, прошла в чулан, находившийся между комнатой и кухней. Это было крошечное помещение, доверху набитое вещами, которые стали не нужны в хозяйстве или пришли в негодность. Среди этой рухляди можно было найти даже древнее веретено, на котором когда-то вручную пряли пряжу. Раскидав горухлама, бабка Ядвига добралась до расписанного причудливыми фигурками зверей и птиц сундука. Окованный железом, он был так тяжел, что его было невозможно сдвинуть с места. В этом сундуке бабка Ядвига хранила самое ценное и дорогое, что у неё было.

Откинув крышку, старуха достала из недр сундука полотняный мешочек, от которого шёл сильный дурманящий запах. Развязав тесёмку, она высыпала на ладонь несколько семян матово-чёрного цвета. Некоторое время в задумчивости смотрела на них, а потом, по привычке многих одиноко живущих людей, начала говорить сама с собой.

- Сколько же взять? Одно или два мало, не подействует. Пять много, может не проснуться. Ох уж эта одурь-травя! Никогда в ней нельзя быть уверенной...

Наконец она взяла три семени, а остальные высыпала обратно в мешочек и, туго его завязав, положила в сундук. Захлопнув крышку, бабка Ядвига ласково провела по ней рукой, словно лаская, подобно домашним животным, нарисованных зверушек и птичек.

- Стерегите, мои милые, стерегите! Да чужих до моего добра не допускайте. А то я вам уже задам!

Высказав эту угрозу, бабка Ядвига снова забросала сундук рухлядью и вышла из чулана. Пройдя на кухню, она высыпала семена в чугунную ступку и деревянным пестиком размолотила их в порошок. Затем старуха высыпала этот порошок в заварочный чайник и залила его кипятком из самовара. После этого она поставила чайник на конфорку над жаровой трубой, чтобы напиток не остывал. По завершении всего этого бабка Ядвига удовлетворённо вздохнула и, словно подводя итог своим раздумьям, скрипуче заговорила:

- Ни к чему тебе, сиротинушка, по белу свету скитаться, горе мыкать. Не тот суженый, кого за порогом искать, а тот, кого в доме ждать. Будем с тобой вместе дни и ночи коротать, сыночка моего ненаглядного поджидать. Возвратится Михайлушко с поля брани – а я ему уже невестушку подыскала, ласковую жёнушку воспитала. Век оба будут меня благодарить, доброй матушкой величать. А я им в ответ: худо тому, кто добра не делает никому, доброе же дело подобно дождю в засуху...

Старуха ещё долго говорила бы сама с собой, рисуя в своём воображении картины счастливого будущего, но вернулась Добродея и помешала ей. Увидев сияющее чистотой и невинностью юное личико девушки, бабка Ядвига окончательно укрепилась в своём замысле, который возник в её голове, едва она увидела девушку, и созрел, когда та призналась в своём сиротстве. Это озарение было подобно яркой вспышке, ослепившей разум бабки Ядвиги, и теперь она не могла думать ни о чём другом и ничего другого не желала. Навязчивая идея овладела всем её существом, и если бы даже сам бог мудрости Велес и богиня судьбы Макошь сказали ей, что так поступать нельзя, старуха не поверила бы им. Как сумасшедший не верит в то, что он живёт не в реальном мире, а в фантастическом, созданным его собственными фантазиями...

- Проходи, девонька, садись за стол, - сказала старуха. – Вот тебе пирог, кушай на здоровье. А вот чай, настоящий на душистых травах. Выпьешь – весь белый свет обойдёшь и не притомишься, такая в нём чудесная сила.

Ласково приговаривая, бабка Ядвига отрезала от пирога изрядный ломоть и положила его на тарелку перед девушкой. Потом подала чашку с напитком, налитым из заварного чайника и немного разбавленным кипятком из самовара. Добродеея откусила кусочек курника и отхлебнула из чашки. На её личике появилась гримаса блаженства.

- Вкусно, - призналась она. – Меня так лакомо и дома не потчевали!

- Кушай на здоровье! – радушно сказала бабка Ядвига. И настойчиво проговорила: – И чайком не забывай запивать. Сама я травы в лесу собирала. Только я места те заповедные знаю, где они растут. Нигде такого чая не найдёшь.

Добродеея послушно сделала большой глоток. И неожиданно почувствовала сухость во рту. Удивившись, она выпила чашку до дна, но стало только хуже. И чем больше она пила, тем сильнее становилась жажда. А потом самовар на столе будто раздвоился, и теперь их было два. И каждый начал сиять подобно солнцу. Добродеея прикрыла глаза, чтобы не ослепнуть.

- Со мной происходит что-то странное, – растерянно произнесла она, ничего не понимая.

Но когда старуха что-то ответила ей, Добродеея услышала не человеческую речь, а звериный рык. Внезапно на лбу бабки Ядвиги появился большой заострённый спиралевидный рог, и она превратилась в единорога. Перепугавшись, девушка хотела встать со стула, чтобы убежать, но её ноги свело судорогой, и она не смогла даже пошевелиться. А потом свет померк в её глазах, и Добродеея потеряла сознание.

Девушка упала бы со стула на пол, но бабка Ядвига, внимательно за ней наблюдавшая, вовремя её подхватила. С неожиданной силой старуха подняла её на руки и перенесла на кровать, стоявшую в углу. Сняла с неё сапоги и платье, а саму прикрыла одеялом. Положила под голову подушку. Заботливо отёрла холодный пот, обильно оросивший мертвенно-бледное лицо Добродееи.

С нежной материнской улыбкой глядя на девушку, лежавшую без движения и почти бездыханную, бабка Ядвига ласково произнесла:

- Спи, девонька и забывай прошлое. А когда проснёшься, то будешь счастлива в своей новой жизни. В том мне порукой богиня Рада, являющаяся людям семицветной радугой после летних дождей и гроз.

Взяв в охапку платье, головной убор и сапоги Добродееи, старуха отнесла их в чулан, где спрятала в заветный сундук, наказав нарисованным фантастическим зверушкам и птицам стеречь всё это пуще глаза. После этого бабка Ядвига, прибрал со стола остатки трапезы, самовар и посуду, села на лавку у окна и вернулась к своему обычному занятию, прерванному неожиданным появлением девушки. Старуха вязала бесконечную пряжу и привычно ждала, как делала это уже много дней и ночей, счёт которым давно был ею потерян.

Но теперь кое-что изменилось. Бабка Ядвига ждала уже не только возвращения с войны Михайло, но и тот час, когда очнётся от забытья, вызванного одурь-травой, Добродеея, которую она избрала в жёны для своего сына.

А за окошком ветер трепал кроны деревьев, будто осерчав на них за что-то. И где-то в отдалении грохотал гром. Но на удивление небо было ясным, без малейшего облачка, и ничто не предвещало грозу.

Глава 6. Гавран приносит тревожную весть

Жрец Велеса Горыня, он же - Олег Витальевич Засекин, в прошлом учитель истории, а ныне хозяин Усадьбы волхва, как его дом называли жители близлежащего посёлка Кулички, вышел из капища, где он только что совершил традиционный обряд в честь языческого бога, и осторожно прикрыл за собой дверь, словно опасаясь пробудить угнездившийся на ней клубок змей.

Но стражи капища, две переплетённые змеи с головами с двух концов, остались неподвижными, как это и полагается вырезанным по дереву изображениям. Они оживали, только если в капище пытался войти чужак, и тогда с их зубов начинала течь ядовитая слюна, от которой не существовало противоядия. Их укус был неотвратим и смертелен. А во всех остальных случаях это был безобидный свитень, издревле считавшийся на Руси оберегом от разных бед и напастей, защищавший людей от хворей, чужого злонамерения и магических заговоров.

Горыня знал это, но вторая ипостась Олега Витальевича Засекина, бывший школьный учитель, каждый раз при виде двухголовых змей невольно вздрагивала, забывая, что при любых обстоятельствах эти ужасные твари для неё безобидны. И скорее те сожрут сами себя, как Уроборос, олицетворяющий в славянской мифологии бесконечность и цикличность бытия, чем причинят вред жрецу Велеса. Поэтому Олег, помня, что «из земли пришли и в землю уйдём», всегда был настороже, когда входил в капище и выходил из него.

Проведя обряд, он чувствовал усталость, но скорее психологического свойства, чем физическую. А потому, переодевшись в своей спальне, где он сменил длиннополую рубаху жреца на обычную домашнюю одежду, Олег решил выпить чаю, чтобы вернуть себе бодрость и остроту ума, необходимую для чтения старинных фолиантов на древнеславянском языке. На досуге ему хотелось почитать «Волховник», в одной из глав которого, «Птичье чаровье», описывалось, как определять судьбу и грядущие события по полету птиц. Не так давно Олег выучил птичий язык и теперь желал продвинуться дальше в своих познаниях мира пернатых, являющихся, по утверждению учёных, потомками тероподовых динозавров, а в славянской мифологии олицетворяющих природные стихии. Больше всего его интересовала птица Гамаюн, которой было ведомо абсолютно всё о происхождении земли и неба, а также о судьбах человеческих, поскольку она являлась посредником между людьми и языческими богами. Но в современном ему мире он, даже став жрецом Велеса, этой вещицы птицы не видел, а вот вороны встречались буквально на каждом шагу. И, по здравому размышлению, Олег пришёл к выводу, который был созвучен пословице «синица в руках лучше, чем журавль в небе». Именно по полёту воронов он и надеялся проникать в будущее, изучив главу «Птичье чаровье».

Направляясь на кухню, Олег не сомневался, что там его поджидает пышущий жаром серебряный самовар. А за столом сидит Тимофей и с видимым удовольствием прихлёбывает чай из очередной чашки. Всего же он выпивал за день, а зачастую и по ночам, несчитанное количество чашек. Этот крошечный мужичок, черты лица которого было невозможно рассмотреть из-за водопада волос, ниспадающих с головы на плечи, окладистой бороды и пышных усов, достался ему в наследство от деда. Волхв Ратмир передал его по завещанию вместе со всем нажитым за свою долгую жизнь движимым и недвижимым имуществом.

Согласно посмертной воле деда, Олег должен был позволить Тимофею проживать в Усадьбе волхва до того дня, «пока тот сам не решит покинуть этот дом и переселиться в другой». Но вскоре стало ясно, что это пожизненная привилегия, поскольку Тимофей не собирался никуда уходить из жилища, где он жил с незапамятных времён на правах старого друга хозяина. Сам же Тимофей утверждал, что в этой семье, уходящей корнями генеалогического древа в глубокое прошлое, он живёт со времён князя Всеслава Полоцкого, чьим потомком по прямой линии являлся как дед Олега, Святослав Вячеславович Полоцкий, так и сам Олег, его

внучатый племянник, а потому носящий другую фамилию. По мнению Олега, это было весьма спорное утверждение, но он не протестовал, считая Тимофея слегка тронутым умом и снисходя к его слабости приписывать себе если и не вечную жизнь, то сравнимую с долголетием библейских старцев. Как вскоре Олег убедился, вреда от присутствия Тимофея в доме не было никакого, а вот пользы тот приносил немало. Незаметно этот старичок, на лице которого из-за густой растительности были видны только нос и глаза, причём маленький носик чаще всего насмешливо морщился, а глазки лукаво блестели, стал, по сути, членом его семьи. В свободное время Олег любил поболтать с Тимофеем на разные темы, послушать его байки, попить настоящего на травах чая и даже поспорить с ним и выслушать его наставления – правда, уже не так охотно. И неизменный самовар на кухне в любое время дня и ночи входил в этот список.

Однако в этот день Олега поджидало разочарование. Самовар, стоявший на кухонном столе, оказался холодным. Но, что было ещё удивительнее, уже остыла и русская печь, занимавшая значительную часть кухни. Обычно Тимофей протапливал её дровами или соломой уже с утра, даже в летнюю пору, а сам забирался под самый потолок, объясняя это тем, что его старые косточки нуждаются в тепле и не переносят сырости. И его не смущало, что по-настоящему обогревала печь лишь очень небольшое пространство, не превышающее метра от уровня пола. Когда Олег или его жена Марина, изнемогающие от жары, указывали на это обстоятельство, Тимофей делал вид, что не понимает их. Сам он до сих пор пользовался мерами длины, известными на Руси ещё в одиннадцатом веке, и вместо привычных для них сантиметров, метров и километров измерял всё в пядях, локтях, сажнях и вёрстах.

Но сейчас в горниле печи, где обычно горели поленья, лежали только остывшие угли. А сам Тимофей сидел, свесив босые мохнатые ноги, на перекрыше и дрожал, как будто его тело превратилось в желе. Сначала Олегу показалось, что старик трясётся от холода, но потом он понял, что это нервная дрожь.

- Тимофей, что с тобой? – с искренней заботливой тревогой воскликнул он.

Старик не сразу ответил. Сначала он поскрёб рукой свою волосатую грудь, видневшуюся в распахнутом вороте длинной, почти до колен, косоворотки из мягкой материи его любимого клюквенного цвета. Потом дрыгнул ногой, словно собирался спрыгнуть с печи, но в последний момент передумал. Грустно вздохнул. И только потом произнёс:

- Ты ничего не слышишь?

Олег прислушался. В доме было тихо. По всей видимости, дочка спала в своей кроватке, вдоволь наигравшись, а рядом с ней прикорнула и жена, пользуясь этой редкой возможностью. У Любаши резался очередной зубик, и Марине приходилось подстраиваться под её график сна.

- Нет, - ответил он. – А должен?

- Если только ты не глухой, - язвительно заметил старик. – Неужто не улавливаешь, как громыхает за окном?

- А, ты об этом, - сообразил Олег. - С каких это пор ты стал бояться грозы, старина? Тем более, что она может обойти нас стороной.

- Не обойдёт, - печальным голосом возразил Тимофей. – Потому что это не гроза.

- А что же тогда? - удивился Олег.

- Не что, а кто, - поправил его Тимофей. - Перун

Олег подумал, что ослышался, и переспросил:

- Кто-кто?

- Ты точно стал глуховат, - укоризненно покачал головой старик. – Может, у тебя серная пробка в ушах образовалась? Надо бы тебе покапать в уши соком варёной свёклы. По три-четыре капли в течение одного-двух месяцев. Известное народное средство. Хорошо помогает.

- Обойдусь, - обиженно хмыкнул Олег. – Скорее всего, это не я глухой, а у кого-то проблемы с дикцией. Так ты сказал Перун или мне послышалось?

- К сожалению, не послышалось, - грустно вздохнул Тимофей. – Это он громыхает, бог-громовец. Наверное, опять за что-то рассердился на Велеса. А расплачиваться придётся тебе.

- Это ещё почему? – поразился Олег.

- Ты жрец Велеса, - с удивлением посмотрел на него Тимофей. – Или забыл часом?

- В том смысле, что когда паны дерутся - у холопов чубы трещат? – невольно улыбнулся Олег. – Вот уж не думал, что к взаимоотношениям языческих богов можно применить эту пословицу.

- Почему же нет? – серьёзно произнёс старик, явно не желая переводить разговор в шутку. – Ты действительно думаешь, что причина их тысячелетней вражды в том, что Велес похитил скот Перуна, а тот не может простить его за это? Так знай, что это миф для дурачков. На самом деле они сражаются за мир Яви, оспаривают друг у друга власть над людьми. Это настоящая война на истребление, а не простая ссора на бытовой почве, выражаясь куцым современным языком.

- Но зачем из-за этого воевать? - недоумевающе спросил Олег. – Насколько я помню, даже в пантеоне богов, который составил князь Владимир, Перун был назван верховным богом, а Велес - богом нижнего мира. Один отвечал за небеса, порядок, закон и воинскую доблесть, а второй – за земной и подземный мир, богатства, магию, скотоводство и торговлю. Иначе говоря, у каждого бога своя сфера влияния. Им что, мало того, что каждый из них имеет?

- Видимо, так, - со вздохом проговорил старик. – Однако не нам судить богов. Мы можем только молиться и рассчитывать на их милосердие.

- Тогда почему ты не молишься, а сидишь на печи и дрожишь как осиновый лист? – едко спросил Олег. Ему не понравилось то, что он услышал. Но тут же он устыдился своего гнева, направленного не по тому адресу. Старик ни в чём не был виноват. И он извиняющимся тоном проговорил: - И всё-таки я не понимаю, почему я должен бояться грома.

- Подумай сам, - предложил Тимофей. – Если Перун так жестоко преследует Велеса, то что он сотворит с его жрецом? Самое малое - испепелит молнией.

- Только теперь я начинаю понимать, почему в «Повести временных лет» русичи, заключая договора с греками, клялись Перуном, - заметил Олег. – Видимо, фраза «Разрази меня гром!» была для них не пустым звуком, как для нас, их потомков.

- Страшнее клятвы не было, - подтвердил Тимофей. – Как сейчас помню...

Но Олег, испугавшись, что старик снова сядет на своего любимого конька и пустится в воспоминания, которые больше похожи на вымысел, чем насильственная смерть от громового раската, и это затянется надолго, перебил его:

- Так что же ты предлагаешь мне сделать? Отречься от Велеса? И присягнуть на верность Перуну?

Глазки старика в зарослях волос вспыхнули как два маяка в ночи.

- И тем самым предать память твоего деда, волхва Ратмира? – яростно возопил он. – Никогда! По крайней мере, пока я жив. А там поступай как знаешь.

Олегу едва удалось скрыть довольную усмешку. Вызвав праведный гнев в душе старика, он добился того, чего хотел – Тимофей забыл о своём страхе и перестал дрожать. Теперь дело было за малым – вдохнуть в него воинственный дух, который вернёт ему былое мужество. И тогда жизнь в их доме вновь потечёт по старому руслу, тихо, размеренно, с чаепитием и верой в счастливое будущее.

- Тогда предлагаю компромисс, - озвучил он свои условия. – Я не изменяю Велесу, а ты перестаёшь трястись при каждом ударе грома в ожидании испепеляющей молнии. В конце концов, это будет не первая гроза в твоей и даже в моей жизни. И я уверен, что мы её благополучно переживём, как тысячи гроз до этого. По рукам, старина?

Тимофей прыгнул с печи и протянул ему свою маленькую ручку. Неожиданно она оказалась очень крепкой, учитывая его крошечный рост. Олег с удовольствием пожал её, скрепляя их договор. И, зная Тимофея, он не сомневался, что этот договор будет нерушимым.

«И без всяких там клятв Перуну или Велесу», - подумал при этом Олег. – «Боги богами, а без самоуважения трудно прожить».

- Как насчёт того, чтобы отметить нашу договорённость чашкой чая? – спросил он шутливо.

Однако Тимофей воспринял его слова всерьёз. Старик не только перестал дрожать, но и заметно повеселел. Отказавшись от помощи Олега, он разжёл самовар, добавив к берёзовой щепе для аромата веточку смородины. Водрузил на самовар заварочный чайник, всыпав в него щепоть травы, от которой по кухне распространился лимонно-медовый запах. Поставил на стол чашки и вазочки с мёдом и своими любимыми сушками. Всё это было сделано так быстро и ловко, что Олег только дивился. Он уже хотел было похвалить старика, но внезапно раздался резкий звук, заставивший его вздрогнуть от неожиданности. Олег оглянулся и увидел, что по ту сторону окна сидит большой чёрный ворон с белой подпалиной на шее и настойчиво стучит в стекло клювом, требуя впустить его.

Эта бесцеремонность была так непохожа на обычное подчеркнутое корректное поведение Гаврана, что Олег поразился до глубины души. Предчувствуя, что их с Тимофеем ждёт неприятное известие, он открыл окно и запустил ворона.

Влетев, Гавран захлопал крыльями и взволнованно каркнул:

- Кахр-р!

Тимофей и Олег встревоженно переглянулись. Впервые они видели Гаврана в таком возбуждённом состоянии. И никогда ещё он не призывал их спастись бегством, как будто то, что им угрожало, являлось непреодолимой силой, противостоять которой было невозможно.

Сколько они помнили, Гавран всегда отличался хладнокровием и мужеством, а в отношении происходящих событий даже фатализмом, если так можно было сказать о птице. Он верил в предопределённость бытия, исключаящую возможность выбора. Всё, что происходит, считал ворон, заранее предрешиено богиней судьбы Макошь, которая прядёт ткань жизни всех живых существ. А её помощницы, Доля и Недоля, вплетают в это полотно как золотые нити радости, успеха, любви и благополучия, так и смоляные нити испытаний и несчастий. И никто и ничто не может изменить предначертанное небесной пряжей. Поэтому Гавран никогда не волновался, когда происходили какие-то события, даже неприятные. А сейчас он почти паниковал.

Олег вспомнил недавнюю нервную дрожь Тимофея и подумал: «Не эпидемия ли это? А что, если вирусы страха, подобно болезнетворным бактериям, носятся в воздухе и заражают всех, в кого проникают». Но это была антинаучная теория, и он отбросил её.

- Гавран, успокойся и объясни, что ты имеешь в виду, говоря «спасайтесь», - сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно и уверенно.

– И не веди себя как неразумный воронёнок, - поддержал его Тимофей. - Тебе это не подходит.

Под их напором Гавран опомнился и явно устыдился своего поведения. Он опустился на печь, сложил крылья и на своём птичьем языке произнёс:

- Прошу простить меня, друзья! Это была минутная слабость, вызванная тревогой не за свою жизнь, а за ваши. Это вам угрожает смертельная опасность. И предотвратить её может только Перун, если только он того пожелает. Но это вряд ли, поскольку речь идёт о войне, а кому, как не Перуну, покровителю воинов, поощрять кровопролитные сражения? Ведь каждая из противоборствующих сторон, желая победы, взывает к нему, тем самым признавая его власть над собой и преклоняясь перед ним. Кто из богов откажется от поклонения? Такого не бывало с сотворения мира. Вот почему я призвал вас спастись. Ведь вы не воины, а мирные жители, и зачем вам погибать на поле битвы? Вот что я имел в виду, сказав: «Спасайтесь!»

Это была сумбурная и чрезвычайно длинная для Гаврана речь, и она произвела впечатление на его слушателей. Но они мало что из неё поняли. И первым в этом, как ни странно, признался Тимофей.

- О какой битве ты говоришь, дружище? – спросил он. – Если между Перуном и Велесом, то она длится уже тысячелетие, и скорее тлеет, чем разгорается. А если между людьми, то война за тысячу вёрст отсюда...

- Уже нет, - перебил его Гавран. – Неужели вы не слышите неумолчный гул, с каждым часом становящийся всё сильнее?

- Слышим, - неуверенно сказал Олег. – Но мы думали, что это приближается гроза.

Гавран прищёлкнул клювом, давая понять, что они ошибались.

- Это орудийная канонада, - каркнул ворон. - Вражеская орда прорвала оборону и стремительно продвигается в нашем направлении, сея на своём пути смерть и разорение.

Он повернул свою голову к Тимофею, обращаясь только к нему.

- Как тебе ведомо, я много столетий живу на белом свете, но досель не видал подобной жестокости. Они не щадят даже детей и стариков. Словно сам Чернобог, покровитель зла и разрушений, ведёт эту орду за собой, подчинив их своей воле. Но хуже всего, что толпы воинов сопровождают несметные стаи металлических птиц, против которых бессильны не только мы, вороны, но даже заговорённая волхвом Ратмиром ограда. Поэтому на этот раз ничто и никто не сможет защитить Усадьбу волхва. Она будет разрушена, а вместе с ней погибнет и жрец Велеса, и даже ты, мой друг. Вот почему я настойчиво повторяю: «Спасайтесь!»

Тимофей не проронил ни слова, потрясённый ужасающей картиной, нарисованной вороном. Но заговорил Олег.

- А что будет с жителями Куличков? – спросил он, хмурясь. – Их тоже надо предупредить о надвигающейся беде.

- Сделай это, если считаешь необходимым, - прокаркал ворон. – Но мой тебе совет - не трать времени на чужих людей, у тебя его может не хватить на спасение собственной семьи. Мне не ведомо, сколько дней и ночей понадобится вражеской орде, чтобы дойти до наших мест. Может быть, это случится уже завтра. Слишком неожиданно всё произошло и слишком быстро развивается наступление. Признаться, я не могу понять, почему так происходит. Ничто не предвещало...

- Спасибо, Гавран, за предупреждение, - сказал Олег. – Я благодарен тебе за совет, но всё-таки поступлю вопреки ему.

- Как знаешь, - хрипло каркнул ворон. – На то ты и жрец Велеса, чтобы решать самому. А я, с твоего позволения, улетаю. Мне надо позаботиться о своей семье.

Когда ворон улетел, Олег задумчиво произнёс:

- Мне это кажется, или последние слова Гаврана прозвучали как укор?

Обращался он не к Тимофею, а к самому себе, а потому и не ждал ответа. Однако старик не понял этого и посоветовал ему:

- А ведь Гавран прав. Тебе прежде всего надо думать не о жителях Куличков, а о жене и ребёнке.

- Спасти их и оставить в беде остальных? – возмущённо спросил Олег. – И даже тебя, мой друг и наставник? Внутренний голос подсказывает мне, что ты не покинешь этот дом. И ляжешь костями, защищая его.

- Умру на пороге, - подтвердил старик. И в голосе его не было пафоса, будто он сухо констатировал очевидный факт. – Но врага в дом не допущу.

- Тогда не о чем и говорить, - сказал Олег тоном, не допускающим возражений. – Будем спасать детей, стариков и женщин. А сами встанем стеной перед вражеской ордой, как наши деды и прадеды. И пусть даже сам Чернобог ведёт вражью силу, не убоимся его...

Прервал свою речь, он удивлённо воскликнул:

- Тимофей, что с тобой? Мне снова кажется, или ты плачешь?

Старик и в самом деле вытирал слёзы, оросившие его глаза.

- Это я от счастья, - произнёс он, всхлипнув. – Твой предок, князь Всеслав Полоцкий, гордился бы тобой. Сам он был бесстрашный витязь. А ты на него очень похож – и повадками, и даже внешне. И не качай головой, уж я-то знаю!

Олег не стал вступать в спор со стариком. У него было много более важных дел, а времени, если верить Гаврану, оставалось мало.

Глава 7. Две подруги и жрец Велеса

Глава поселковой администрации Нина Осиповна в приметы не верила, однако она не отрицала возможность их влияния на свою жизнь. Это противоречие не казалось ей странным – она его просто не замечала. Поэтому, когда утром, готовя завтрак, она ненароком просыпала на пол соль, то не расстроилась, но вспомнила об этом после того, как поссорилась со своим мужем.

Причина была пустяковой – уплетая приготовленный ею омлет, муж вскользь сказал, что она выглядит невыспавшейся. Но почему-то Нину Осиповну обидело это замечание. Она посчитала, что муж критически отозвался о её внешности и в завуалированной форме назвал дурнушкой. Нина Осиповна вспыхнула как бенгальский огонь. И чего только она не наговорила мужу! Припомнила ему все его прегрешения за все годы их супружеской жизни, включая ночной храп. Особенно досталось его округлому животу, который в минуты нежности она ласково величала пузиком-арбузиком, а сейчас назвала отвислым брюхом, которого постыдился бы любой настоящий мужчина. Это были несправедливые и очень обидные обвинения, она сама это признала, когда немного поостыла. Нина Осиповна не могла понять, почему она так взвилась, словно ей, образно говоря, шлея под хвост попала, и она превратилась в норовистую кобылку, которой никогда не была, даже в молодости.

А самое главное, что она действительно не выспалась этой ночью. Ей мешал спать далёкий гром, доносящийся в открытую форточку. Она ворочалась с боку на бок в ожидании грозы, но так и не дождалась, та прошла стороной, продолжая гроыхать где-то в отдалении. Наутро Нина Осиповна встала со следами полу-бессонной ночи на лице и припухшими глазами.

«И, спрашивается, кто виноват в нашей с мужем ссоре?» - пыталась она себя по пути на работу, желая докопаться до самой сути конфликта, чтобы впредь не повторять допущенной ошибки.

Ответ напрашивался сам собой – просыпанная соль. Именно это событие нарушило привычный порядок вещей и вызвало неожиданный разлад в их семье. Это случалось так редко, что Нина Осиповна даже и не помнила, когда и по какой причине они перед этим ругались. Мужа Нина Осиповна любила, сама она нрава была добродушного, зла не помнила, и потому в их доме неизменно царили мир и покой. Вплоть до этого утра...

«Словно наваждение какое на меня нашло», - сделала Нина Осиповна вывод, входя в здание поселковой администрации. Но легче на душе от этого ей не стало.

День не задался с утра. И не собирался становиться лучше. Обычно Нина Осиповна в своём рабочем кабинете чувствовала себя по-домашнему уютно, но сегодня всё вызывало у неё раздражение, даже развешенные по стенам фотоснимки с живописными видами посёлка и его окрестностей. Она решила их немедленно снять, а взамен чуть погодя повесить портреты главы района, мэра города, губернатора и президента. Это было бы правильно с административной точки зрения и могло в будущем способствовать её карьере, которой раньше она пренебрегала, отдавая предпочтение дому и мужу. Преисполнившись желания изменить свою жизнь, Нина Осиповна тут же начала снимать фотографии со стены и вынимать их из рамок, освобождая место для более достойных её рабочего кабинета изображений.

За этим занятием её и застала лучшая подруга, Оксана Павловна. Эта миловидная женщина с мнимо-беспристрастным лицом, которое создавало обманчивое впечатление о своей хозяйке, работала в Куличках начальником почтового отделения. Она неизменно заходила в администрацию посёлка в те дни, когда сама Нина Осиповна по какой-то причине проходила мимо почты по пути на работу. Поэтому не было такого дня, когда бы они не виделись. Несмотря на это, при встрече у них всегда находилось множество тем для обсуждения. Оксана Павловна была чрезвычайно любознательна и словоохотлива, Нина Осиповна умела слушать.

Эти качества были основой их многолетней, ещё со школы, дружбы, которую не смогли нарушить ни замужество, ни рождение детей, ни домашние заботы, ни должностные обязанности Нины Осиповны, и даже то, что Оксана Павловна была одинока и не обременена ни детьми, ни хозяйством. При этом они часто обижались друг на друга, но огорчение и досада быстро проходили, а от мимолётных обид их дружба становилась только крепче.

Увидев опустевшие стены, Оксана Павловна одобрительно заметила:

- И правильно! В этой глуши и так тоскливо, а к тебе в кабинет зайдёшь, увидишь те же самые пейзажи, что и за окном - просто волком выть хочется. Давно хотела тебе это сказать.

Нина Осиповна промолчала. Ей эти пейзажи нравились. Она уже сама не понимала, зачем всё это затеяла, но отступать было поздно. Подруга могла назвать её вздорной бабой и была бы права. Допустить этого Нина Осиповна не могла. Это был бы слишком болезненный удар по её чувству собственного достоинства. Она никогда не отличалась повышенной чувствительностью к мнению о себе окружающих, но в это утро в неё словно вселился какой-то бес самолюбия и не давал ей покоя.

- Так оставлять нельзя, – сказала Оксана Павловна, показывая на тёмные прямоугольники, сохранившиеся на стене после убранных снимков. – Уже придумала, что повесишь взамен?

Нина Осиповна поделилась своими соображениями. Оксана Павловна посоветовала:

- Ещё можно митрополита Павла. Тоже представитель власти, только духовной.

- А как быть с толерантностью? – нерешительно произнесла Нина Павловна. – Я когда в городе была, то слышала, что по нашим временам за оскорбление чувств верующих можно и под уголовную статью угодить.

- Как так? – поразились Оксана Павловна. – Ты это о чём?

- Ведь тогда надо и муфтия, и раввина, и представителей прочих конфессий, чтобы никому обидно не было - пояснила Нина Осиповна. – А на всех у меня рамок не хватит.

- А я бы у себя на почте митрополита Павла повесила, - мечтательно произнесла Оксана Павловна. – Такой видный мужчина!

- Тогда уж и отца Климента заодно, - сказала Нина Павловна. – В наших Куличках он по значимости то же самое, что митрополит в городе. И тоже красавец.

- Это для кого как, - нахмурилась Оксана Павловна, уловив в тоне подруги язвительную нотку. – Баритон у нашего батюшки красивый, не спорю. А вот борода его сильно старит. Признаться тебе, подруга, что я нашего отца Климента и за мужчину-то не считаю...

Неожиданно она вскрикнула:

- Ах, ты, господи!

И пояснила встревоженной её возгласом Нине Осиповне:

- Хорошо, что ты мне напомнила! Я к тебе потому и пришла, чтобы рассказать, что наш батюшка учудил. Ты не поверишь!

Нина Осиповна удивилась ещё сильнее. Отец Климент в Куличках имел репутацию человека, по отношению к которому слово «учудил» было неприемлемым. Он никогда не совершал чего-либо странного или неожиданного. Все его поступки были обоснованы житейской логикой, и можно было заранее предсказать, что батюшка скажет по тому или иному поводу. Жил он одиноко, в ветхом домишке, почти как отшельник, нрава был строгого и крутого, за что прихожане его даже побаивались и потому слушались беспрекословно. Нина Осиповна скорее поверила бы, что бабка Ядвига прилюдно покаялась и приняла христианскую веру, чем в то, что отец Климент сделал что-либо необычное или неподобающее его сану. Поэтому она усомнилась в словах Оксаны Павловны.

- Ты врешь да не завирайся, Оксанушка, - сказала она как можно мягче, чтобы не обидеть подругу. – Не мог наш батюшка ничего эдакого отчебучить. Слухи всё это.

- Какие же слухи, когда я своими глазами видела! – возмутилась Оксана Павловна. – Захожу я сегодня утром в храм, чтобы поставить свечку за здоровье – кстати, за твоё, Нинушка, - и что же я вижу? Как ты думаешь?

Она сделала паузу, давая подруге возможность догадаться самой, но та лишь пожала плечами и нетерпеливо попросила:

- Да не томи, говори!

И Оксана Павловна, которой только того и надо было, продолжила:

- А увидела я, что на свечном ящичке, который стоит на прилавке у входа – ну, ты знаешь, - висят ценники, как в магазине у Клавдии. А в них указано, что большую свечку можно купить по такой-то цене, среднюю и малую – по таким-то.

- Да ты что! – ахнула Нина Осиповна. – Как такое возможно?

- Я тоже вначале даже глазам своим не поверила, - сказала Оксана Павловна тоном, не допускающим сомнений в её объективности. - Потом подумала, что это чья-то злая шутка. Дождалась окончания службы, подошла к отцу Клименту и спрашиваю: мол, что это такое, батюшка? А он мне отвечает своим могучим баритоном, да так, что под сводами храма эхо загуляло: «Поелику доброхотно паства мало жертвует на нужды церкви, а пастырь не может святым духом питаться». И глазами зыркает на меня так, словно я в Куличках и есть самая что ни на есть скупердяйка. Как тебе это, Нинушка?!

- Не может быть, - нерешительно произнесла Нина Осиповна. – Отец Климент сам говорил, что пока он служит настоятелем, свечи для прихожан в нашем храме будут бесплатными. Дескать, ему не трудно самому отливать их во славу Христа, который наставлял своих учеников словами: «Даром получили, даром давайте».

- Мало ли кто что говорит, - назидательно произнесла Оксана Павловна, глядя на неё сверху вниз. Она была намного выше ростом и иногда пользовалась этим преимуществом. – Судить надо не по словам, а по делам.

- И во сколько отец Климент оценил свои свечи? – поинтересовалась Нина Осиповна. – Смогут наши бабки на свои пенсии купить?

- А мне уже бабка Вера сказала, что они со старухами будут скидываться, - ответила Оксана Павловна. – И с пенсии покупать одну большую свечу на всех, среднюю – на десяток старух, а малую – на двух-трёх. В общем, выкрутятся как-нибудь. Им, мол, не привыкать.

Помолчав, она задумчиво заметила:

- Я только одного боюсь – как бы отец Климент, начав со свечей, не начал брать деньги за венчание, крещение и прочие обряды.

- Тогда наши старухи точно перевернутся в язычество, да и не только они, - осуждающе покачала головой Нина Осиповна. – Мне бабка Матрёна рассказывала: когда у неё погибла гусыня, и она попросила жреца Велеса отпеть её любимицу по языческому обряду, тот ни копейки за это не взял.

- Всё может быть, - философски заметила Оксана Павловна. – После сегодняшнего я уже ничему не удивлюсь. - Она помахала ладонью перед лицом, разгоняя застоявшийся воздух. - Душно-то у тебя как! Можно, я форточку приоткрою?

- Открывай, - разрешила Нина Осиповна. – Я и сама хотела.

Оксана Павловна подошла к окну, но вместо того, чтобы открыть форточку, как собиралась, вдруг отпрянула с невольным приглушённым возгласом.

- Что ещё такое? – воскликнула удивлённая Нина Осиповна.

- Верно говорят: «Помяни черта, он и появится», - приглушённо ответила Оксана Павловна. – Идёт!

- Кто – чёрт?! – поразились Нина Осиповна.

- Совсем сбрендил? – возмущённо проговорила Оксана Павловна. - Хозяин Усадьбы волхва идёт. И, по-моему, направляется сюда. Так и есть!

Маленькая и подвижная, будто ртутный шарик, Нина Осиповна тут же оказалась возле окна и, осторожно выглянув, убедилась в правоте слов подруги.

- Интересно, что ему надо? – взволнованно спросила она, словно Оксана Павловна могла знать ответ.

- Сейчас узнаем, - ответила та, не скрывая своего любопытства. И предположила: - Наверное, будет что-нибудь просить.

- Прежде он никогда ничего не просил, наоборот, - сказала Нина Осиповна. – За всё то время, что он живёт в Усадьбе волхва, Олег Витальевич заходил в администрацию только один раз. Тогда он предложил построить в посёлке новую школу за свои деньги.

На лице Оксаны Павловны появилось заинтересованное выражение.

- А ты могла бы ему намекнуть, что Куличкам необходимо новое здание под почтовое отделение? - спросила она. – А то ветер в щели свищет, и крыша прохудилась.

Но Нина Осиповна её не слушала. Она думала о своём.

- Ты только не оставляй меня с ним одну, - почти умоляюще проговорила она.

- И чего ты боишься? – взволнованно спросила Оксана Павловна. – Неужели ты думаешь...

Но Нина Осиповна не дала ей возможности высказать свои догадки, а пояснила сама:

- А вдруг он наведёт на меня морок и обратит в свою языческую веру?

На лице Оксаны Павловны появилось разочарованное выражение, но ответить она не успела. В дверь уже входил тот, о ком они говорили. Хозяин Усадьбы волхва был высок ростом и широк в плечах, и в небольшой комнате сразу будто стало тесно. Войдя, он поздоровался, в ответ взволнованные женщины произнесли что-то невнятное. Некоторое время они все молчали, словно ожидая, кто заговорит первым. Наконец, вспомнив, что это её кабинет, а сама она – глава поселковой администрации, Нина Осиповна спросила:

- У вас какое-то дело ко мне, Олег Витальевич?

- Очень важное, - кивнул тот. – И я хотел бы обсудить его с вами с глазу на глаз, Нина Осиповна, если это возможно.

Женщины переглянулись. Обретя во взгляде подруги необходимую силу, Нина Осиповна сказала, стараясь, чтобы её голос звучал уверенно:

- Можете говорить при Оксане Павловне. У меня нет от неё секретов.

- Пусть будет так, - не стал спорить Олег. – В конце концов, это касается всех жителей посёлка и рано или поздно станет известно всем. Мне только хотелось бы, чтобы не началась паника. Это ни к чему.

Он говорил спокойно, по-мужски красивое лицо было невозмутимым, голос завораживал, и до сознания женщин не сразу дошёл пугающий смысл его слов. Но когда они поняли, что слово «паника» не может нести в себе ничего хорошего, то разом побледнели.

- Да говорите же вы наконец, зачем пришли, - почти жалобно сказала Нина Осиповна. – А то мне уже становится страшно. – Она заметила, что подруга, встревоженная не меньше, придвинулась ближе, пытаясь то ли защитить её собой, то ли спрятаться за её спину, и добавила: - И Оксане Павловне тоже.

- Простите, если напугал вас, - с сожалением произнёс Олег, не зная, с чего начать, и почувствовавший облегчение, когда его призвали говорить начистоту. – Дело в том, что оборона наших войск прорвана, и может так случиться, что вражеская армия захватит Кулички. Только не спрашивайте, откуда мне стало это известно. Просто поверьте на слово.

Перепуганные женщины невольно обнялись, превратившись в живой монумент скорби. При взгляде на них Олег пожалел о своей откровенности. Он хотел не напугать, а призвать к действию, однако вышло с точностью до наоборот. Страх будто парализовал его собеседниц. И он, мысленно обругав себя, поспешил их успокоить.

- Но, может быть, этого и не случится. Наши войска остановят врага и отбросят его обратно. Лично я верю в это. Тогда Куличкам ничто не угрожает.

Переход от отчаяния к надежде произошёл также не сразу. Но когда это случилось, радости женщин не было предела, словно они избежали смертельной опасности, только что казавшейся неотвратимой. Оксана Павловна даже заулыбалась, а Нина Осиповна с апломбом заявила:

- А у меня нет даже тени сомнения в нашей победе. По-другому и быть не может!

Маятник явно качнулся в другую сторону, и Олег понял, что ему придётся постараться, чтобы добиться того, ради чего он пришёл.

- Но мы должны быть готовы к самому худшему, - сказал он, повысив голос, чтобы его слышали. - Беда, если она всё-таки случится, не должна застать нас врасплох.

- Так что же делать? - почти хором спросили Нина Осиповна и Оксана Павловна.

Лица женщин снова приняли растерянное выражение. Они словно не знали, как им поступить - бояться или ликовать. И ждали от хозяина Усадьбы волхва подсказки.

А он и сам был в затруднении. До этого Олегу казалось, что он просто предупредит главу поселковой администрации о грозящей Куличкам опасности - и его миссия на том и завершится. Он уйдёт с чувством выполненного долга. Но в реальности всё оказалось намного сложнее. Оставлять растерявшихся, перепуганных женщин одних без помощи казалось ему теперь равносильно предательству, как если бы он бросил их на растерзание врагу, а сам бежал. Олег никогда не простил бы себе этого. Он знал, что и Марина не простила бы ему, даже если бы он в своё оправдание сказал, что беспокоился о ней и дочке.

Поэтому Олег не ушёл, как собирался, а остался и даже ответил на заданный ему вопрос, понимая, что, предлагая решение, тем самым он берёт всю ответственность на себя, нравится ему это или нет. А в том, что это не понравится Тимофею и Гаврану, он даже не сомневался.

- Местных жителей надо эвакуировать, - сказал он. - Сначала детей и женщин, потом, по желанию, стариков и по возможности всех остальных.

- Как это - эвакуировать? - не поняла и переспросила Нина Осиповна. Это слово для неё имело отношение к войне, а за столь короткое время она ещё не смогла осознать, что мирное существование закончилось или вскоре может закончиться.

- Отправить в город, - пояснил Олег. - Уж его-то точно не сдадут, о него враг обломает зубы. И там жители Куличков будут в безопасности. А потом, когда угроза минует, они вернутся домой.

Лица женщин прояснились. Теперь, когда их надоумили, что надо делать, Нина Осиповна и Оксана Павловна оказались в своей стихии. Они тут же начали обсуждать бытовые проблемы, связанные с переселением местных жителей из посёлка в город, как будто тем предстояло обычное новоселье и надо было просто переехать из одного дома в другой. Но вскоре даже Олегу стало понятно, что эта задача почти неразрешима.

- Кто же бросит своё добро на разграбление? - патетически вопрошала Оксана Павловна. - Годами наживали - и всё в одночасье потерять!

- А домашняя живность? - жалобно вторила ей Нина Осиповна. - Как бабка Матрёна погонит своих гусей в город? Я уж не говорю про коров и свиней. По пути все передохнут.

Наконец Олег в отчаянии махнул рукой.

- Предлагаю спросить у самих жителей Куличков, - сказал он. - Как каждый для себя решит - так и будет. Насильно никого в город гнать не надо. Кто захочет, пусть остаётся в посёлке. В обязательном порядке отправим только детей.

- Это правильно, - согласилась Нина Осиповна, подумав о собственных детях. - Так будет и проще. Может быть, даже все разом поместятся в автобус Георгия.

- А если что, потеснятся, - решительно заявила Оксана Павловна. - Чай не बारे!

- Вам, Нина Осиповна, надо будет договориться с администрацией города, - подсказал Олег. - Есть же какие-то пункты временного размещения. А для детей летние лагеря.

- А как вы думаете, Олег Витальевич, - осторожно спросила та, - вся эта катавасия надолго?

- Будем надеяться, что к началу занятий в школе дети смогут вернуться, - сказал Олег, сам не слишком веря своим словам. - Моей жене очень бы этого хотелось.

Однако его ответ понравился обеим женщинам и приободрил их. Оксана Павловна тут же вызвалась обойти все дома в Куличках и оповестить жителей о возможных грядущих неприятностях и принятом администрацией посёлка решении. Нина Осиповна взяла на себя договорённости с Георгием и городскими властями.

Завершая разговор, Олег проговорил:

- Сколько у нас в запасе времени, я не знаю. Как только мне станет что-то известно, я извещу вас.

Он не хотел, но был вынужден добавить:

- Но события могут развиваться слишком стремительно. И надо быть готовыми к тому, что наш план окажется бесполезен и придётся действовать сообразно обстоятельствам.

- Спаси Кулички Господь! - вырвалось у Нины Осиповны помимо её воли. А Оксана Павловна боязливо перекрестилась.

Видя, что в глазах женщин снова появилась растерянность, а их лица начали бледнеть, Олег поспешил сказать:

- Давайте поступим так: если раздастся частый колокольный звон, то это будет значить, что враг рядом и медлить нельзя. Автобус с детьми должен будет сразу же выехать из Куличков. Нина Осиповна, сообщите об этом Георгию. Оксана Павловна, предупредите те семьи, в которых есть дети. А я переговорю с отцом Климентом насчёт колокола.

- Только имейте в виду, что он может потребовать за это плату, - предупредила его Оксана Павловна, обиженная на батюшку за его утреннюю суровую отповедь. - С недавнего времени отец Климент за всё деньги берёт.

- Тогда я пообщаюсь напрямую со звонарём, - сказал Олег, не поняв, говорит она серьёзно или шутит, но не став уточнять, чтобы не тратить даром время. - С Володиёй у меня дружеские отношения, уверен, он будет на нашей стороне. Он и сам воевал, даже был ранен, и всё сразу поймёт.

- И, кстати, насколько мне известно, новый колокол для храма был куплен на те деньги, которые Владимир получил за ранение и инвалидность, - припомнила Нина Осиповна. - Так что, на мой взгляд, он имеет полное право пользоваться колоколом, когда и сколько захочет.

Олегу это утверждение показалось сомнительным, но возражать он не стал.

Глава 8. Отец Климент благословляет

Позолоченный крест на куполообразной маковке сиял, слепя глаза.

Сам храм был сложен из брёвен, потемневших от времени, и выглядел далеко не так величаво, как его купол. Он был воздвигнут в самом центре площади, вокруг которой в таких же стародавних бревенчатых домиках располагались главные учреждения посёлка - администрация, почта, школа и универсальный магазин. А во все стороны от площади расходились кривые ответвления улиц с хаотично расположенными и намного более древними постройками. Все они казались заброшенными, однако в них испокон века жили люди, которые родились в Куличках и собирались, прожив определённое им судьбой количество лет, здесь же умереть. Сам посёлок насчитывал столько веков, что сбились со счёта даже старожилы. Некоторые из них утверждали, что Кулички древнее и Великого Новгорода, и Старой Ладogi, однако подтвердить свои слова они могли только ссылкой на прадедов, которые, в свой черёд, некогда ссылались на ещё более отдалённых предков. Поскольку археологических раскопок в Куличках, ввиду незначительности этого посёлка в масштабах государства, отродясь не велось, приходилось принимать эти заявления на веру.

Чтобы пройти от администрации к храму, Олегу надо было пересечь часть площади. За много веков копыта проходящих по ней коров превратили землю в твердую, как камень, поверхность. Поэтому каждый его шаг гулко раздавался в тишине и поднимал облако пыли.

Тишина и пыль были своего рода визитной карточкой посёлка, и уж наверняка ни один другой населённый пункт, обойди хоть весь мир, не мог бы в этом отношении соперничать с Куличками. Местные жители привыкали к ним с рождения. Олег, прожив в этой местности несколько лет, тоже привык. Он даже начал думать, что, в сущности, это не так плохо, особенно тишина, которой ему не хватало в его прежней городской жизни. Найти оправдание для пыли было сложнее, но однажды, глядя на сверкающее звёздами небо, он подумал, что пыль в Куличках вполне может быть не простой, а космической, и на самом деле это частицы сгоревших в атмосфере метеоритов или комет. После этого он стал смотреть на пыль, в которой утопали Кулички, совсем другими глазами – она стала звёздной. А это далеко не то же самое, что обычная заурядная пыль. Когда он рассказал о своём открытии жене, та сказала, что всегда подсознательно знала это, а потому и считала Кулички лучшим местом на планете Земля. С тех пор их с Мариной любовь к Куличкам стала ещё сильнее, уступая только любви друг к другу...

Но сейчас Олег думал не об этом и даже не о Марине, а о том, как ему выстроить разговор с отцом Климентом. Батюшка откровенно недолюбливал его, считая язычество мировоззрением, противоречащим христианскому вероучению. Вера во множество богов была для него злом, сопоставимым с дьявольским искушением. И как церковь веками вела непримиримую борьбу с дьяволом, так и отец Климент - с того момента, как принял сан, - беспощадно искоренял идолопоклонство из душ жителей Куличков, даже если они не были его прихожанами.

Но точно так же, как некоторые языческие ритуалы со временем вошли в официальную христианскую обрядность, так и языческие верования частенько проявлялись в жизни его паствы. И поделать с этим отец Климент ничего не мог. В этой борьбе он явно терпел поражение, но винил в этом не себя и не вековые традиции народного двоеверия, а жреца Велеса, живущего поблизости от Куличков в Усадьбе волхва. Вначале это был дед Олега, волхв Ратмир, потом сам Олег. Однажды отец Климент даже возглавил крестный ход, участники которого попытались взять штурмом Усадьбу волхва, однако потерпели поражение и позорно бежали под натиском несметной стаи ворон. С того дня открытых враждебных действий отец Климент не предпринимал, а спустя некоторое время даже провёл обряд венчания Олега и Марины, исповедующей православную веру, которую он считал истинной христианкой и хорошей при-

хожанкой. После этого между православием и язычеством в Куличках установился хрупкий мир, который не нарушала ни одна, ни другая сторона.

Несмотря на это, Олег не был уверен, что батюшка выслушает его, а тем более даст согласие на колокольный звон, если просьба будет исходить от жреца Велеса. Отец Климент, пойдя путём изошрённой логики, был способен додуматься до того, что его призывают ударить в набат во славу языческих богов. В таком случае Олег мог надеяться только на доброе расположение к нему Владимира, которого он, учитывая сложившиеся обстоятельства, сумел бы уговорить ударить в набат без благословения отца Климента. Но Олег не хотел, чтобы из-за этого разгорелся конфликт между настоятелем храма и звонарём. Ситуация была непростой, и во многом её развитие зависело от того, будет ли он способен завоевать расположение отца Климента, заставив забыть его, пусть даже на короткое время, неоднозначную историю их прошлых взаимоотношений.

Однако путь до храма был слишком короток, чтобы найти решение застарелой проблемы. Вот почему Олег обрадовался, увидев на паперти Владимира. Это давало ему передышку перед трудным испытанием.

- Каким ветром тебя занесло в наши палестины? – спросил Владимир, дружески протягивая руку. - Церковь святых мучеников Феодора Варяга и сына его Иоанна, почитаемых Русской Православной Церковью в сонме святых первыми мучениками за святую православную веру в Русской земле – не лучшее место для языческого жреца. Если только ты не решил принять христианство.

- А ты протягиваешь мне руку для поцелуя или рукопожатия? – в свою очередь пошутил Олег.

Владимир ответил с мнимой серьёзностью:

- Хотя при рождении я и был тезоименован в честь благоверного князя Владимира Мономаха, однако больших чинов пока не достиг. Целовать мне руку не по должности - я всего лишь звонарь. Вот отец Климент – другое дело. Когда он тебе протянет руку, то целуй без рассуждений. Иначе он может наложить на тебя епитимью, а это, между нами говоря, не фунт изюма. Я до сих пор не забыл, как он в наказание заставлял меня читать на сон грядущий по сто раз «Отче наш» и «Богородице Дево».

- Неужели было за что? – так же деланно удивился Олег. – Вот уж никогда не поверю!

- Было, было, - мимолётно улыбнулся Владимир. – А, главное, на пользу пошло. Знаешь, я часто думаю, что я стал таким, каков я есть, во многом благодаря епитимьям отца Климента.

Внезапно он прикрыл глаза и тихо продекламировал:

- Я в небе вижу ангелов, не птиц;
И Бога взор сквозь сомкнутые веки
Свинцовых туч; и сполохи зарниц
Как жизнь на миг – и тихий сон навеки.

- Красиво, - сказал Олег после недолгого молчания, не зная, как реагировать на это неожиданное проявление чувств.

Владимир смущённо улыбнулся, словно он и сам не ожидал от себя подобного, и уже другим тоном продолжил прежнюю тему:

- И, разумеется, благодаря самому отцу Клименту. Я ему очень обязан за это. Он мой духовный отец, и даже больше. Ты же знаешь, я рано стал сиротой, отец Климент, по сути, заменил мне и отца, и мать...

В какой-то момент Олегу показалось, что всё это Владимир говорит уже не ему, а словно в чём-то убеждая и даже уговаривая самого себя. Он пристально посмотрел на звонаря, будто желая убедиться в правильности своей догадки. С виду перед ним был всё тот же юноша в

потрёпанной рясе, которого он знал уже несколько лет, с лицом, часто выражающим крайнюю степень изумления по тому или иному поводу. Но Владимир сильно изменился после того, как ушёл на войну и вернулся в родные Кулички, получив ранение в ногу, сделавшее его инвалидом. И то, что он теперь ходил с тростью, заметно прихрамывая, было не главным. Изменения произошли в его душе и явно отразились на восприятии окружающего мира и людей. Война превратила его из юнца в мужчину, но, кажется, слишком быстро и насильственно, чтобы можно было признать эту метаморфозу за благо. Это было неестественное превращение со всеми вытекающими отсюда негативными для его психики последствиями. В общем-то, Владимир с ними справился, в отличие от многих других, которых провернула в своих жерновах война. Но иногда в его глазах появлялось выражение, настораживающее Олега. Оно походило на растерянность. Владимир словно не знал, что ему делать и как жить, чтобы не сбиться с того пути, по которому он шёл, и, образно говоря, не свернуть на кривую дорожку. Вот и сейчас Олег рассмотрел в глазах своего собеседника несмотря на его внешнюю браваду, тень смятения и даже замешательства. Это не понравилось ему.

- Ты чем-то встревожен, Володя? – спросил он. – Скажи мне. Если я могу помочь...

Владимир опустил голову, словно в чём-то провинился. Но на самом деле он подыскивал слова, чтобы быть понятым. Ему явно нелегко было говорить о том, что смущало его душу. Однако он хотел высказаться перед кем-то, для того, быть может, чтобы лучше разобраться в себе. И он воспользовался представившимся ему случаем.

- Меня тревожит отец Климент, - признался звонарь. – С ним происходит что-то странное. Он словно стал другим человеком, не тем, кого я знал и любил все эти годы. Будто в него невесть каким образом вселился...

Владимир запнулся, страшая произнести слово, которое просилось на его язык. Олег, видя это, осторожно подсказал ему:

- Дьявол?

- Злой дух, - смягчил Владимир формулировку из лояльности к отцу Клименту. – Не сам дьявол, а его пособник – демон, бес, назови как хочешь. И он заставляет отца Климента совершать ужасные поступки.

- Например? – спросил Олег, желая понять, насколько обоснованны подозрения его собеседника.

- Например, свечи, которые прихожане теперь должны покупать, если они хотят обратиться с молитвой к Господу, - грустно вздохнув, ответил Владимир. - А в эту самую минуту отец Климент, удалившись после службы в свой дом, обдумывает преysкурant цен на крещение, исповедь, причащение, отпевание усопших и прочее, словно это платные услуги, которые он собирается оказывать жителям Куличков. Представляешь?

- С трудом, - признался Олег.

- А ведь раньше он об этом и слышать не хотел, - продолжал звонарь, всё больше хмурясь. – Говорил, что может принять от паствы только добровольные пожертвования. И напоминал о том, как Иисус Христос изгнал торговцев и менял из Иерусалимского храма. Даже цитировал евангелие: «Дом мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников». И вдруг...

Голос Владимира пресёкся, а его глаза стали тоскливыми. Он страдал по-настоящему, и его глаза, отражающие душу, не могли этого скрыть. Ему было тяжело, но он всё-таки договорил:

- И вдруг он сам собирается превратить наш храм в подобный вертеп. Как ты считаешь, это достаточно убедительный пример?

- Для кого как, - философски заметил Олег, не желая усугублять и без того угнетённое состояние своего собеседника. – Слова должны подтверждаться делами. Ты же помнишь? «По делам их узнаете их». Это сказал тот же Иисус Христос. А ещё мне нравится то место в евангелии от Матфея, где говорится, что о дереве судят по плодам, а не по листьям или цветам.

– Помолчав, он предложил: - Давай не будем раньше времени судить отца Климента. Быть может, он одумается, встанет на путь покаяния и исправления, и всё вернётся на круги своя.

Его слова возымели воздействие. Буквально на глазах Владимир словно преобразился, как погибающее от жары растение, на которое пролился спасительный дождь. Из его глаз исчезла тоска, а губы оживила улыбка.

- А ведь ты прав, - сказал он. – Наверное, я, по своему обыкновению, слишком тороплюсь с выводами. Как говорится, поживём – увидим. Ну и, конечно, я ещё с ним поговорю. Негоже безучастно смотреть на то, как твой духовный отец со стези добродетели ступает на путь порока. В конце концов, духовные дети должны молиться о здравии и спасении своего духовного отца точно так же, как и он - о них. Как ты думаешь?

- Я думаю, что и ты прав, - улыбнулся Олег. – А самое главное, никогда не надо отчаиваться. Насколько мне помнится, в православии отчаяние считается тяжким грехом. Или я ошибаюсь?

- Не ошибаешься, - подтвердил Владимир. – Ещё Иоанн Златоуст писал, что отчаяние губительно, поскольку оно затворяет для человека небесные врата и ввергает в сатанинское безумие. И как я мог забыть об этом?! Спасибо, что ты напомнил.

- Вот и ладно, - несколько смущённо ответил Олег. Ему вдруг показалось странным, что язычник наставляет христианина, напоминая ему о божественном промысле, да ещё стоя на пороге православного храма. Олег никогда не любил двойственных положений. А это явно был тот самый случай. И он поспешил сменить тему. – А ведь я шёл к отцу Клименту по делу. Как ты думаешь, я смогу сейчас с ним поговорить?

- Смотря о чём, - честно ответил Владимир. – А по правде говоря, лучше его сейчас оставить в покое, если твоё дело может подождать.

- То-то и оно, что не может, - покачал головой Олег. – Ты слышишь этот неумолкаемый гул, который становится всё сильнее?

- Да, - кивнул Владимир. – Но какое отношение имеет приближающаяся гроза к твоему разговору с отцом Климентом?

- К сожалению, это не гроза, - возразил Олег. – Думаю, ты сумеешь отличить грозовые раскаты от орудийных залпов, если прислушаешься. И они с каждым часом приближаются.

Звонарь сделал то, о чём его просил Олег. И его лицо снова приобрело растерянное выражение.

- Ты хочешь сказать..., - проговорил он, но не закончил фразу.

- Я хочу сказать, что фронт прорван и может так случиться, что Кулички будут оккупированы.

Заметив, что его собеседник побледнел, Олег поспешил сказать:

- На этот случай мы разработали с главой поселковой администрации план. И согласно ему в нужный час необходимо ударить в набат, чтобы оповестить местных жителей об эвакуации. Это вкратце то, о чём я хотел поговорить с отцом Климентом. А теперь сам решай, оставить его в покое или потревожить.

Проговорив всё это, Олег замолчал, выжидающе глядя на звонаря. Но тот уже не сомневался.

- Я схожу за отцом Климентом, - решительным тоном сказал Владимир. - И приведу его сюда. Пусть он сам услышит этот гул. Это во многом будет способствовать тому, что он выслушает тебя, забыв, что ты языческий жрец.

- Это разумно, - согласно кивнул Олег. – Иди, я подожду.

Он, как и все жители Куличков, знал, что отец Климент живёт в одиночестве в небольшой деревянной постройке, приютившейся на заднем дворе храма. В его ветхом домике была всего одна комната, которая являлась одновременно и спальней, и кухней, и гостиной. Мебели в ней было мало – кровать, шкаф, стол и несколько табуретов, всё покосившееся и кривоногое.

Единственное окно, прорубленное в форме креста, прикрывали порядком выцветшие ситцевые занавески. В комнате всегда сильно пахло прокисшими щами и воском, который батюшка топил в железной миске на небольшой электрической печке и изготавливал из него свечи. Отцу Клименту было чуть больше пятидесяти лет, но выглядел он значительно старше из-за густой окладистой бороды, придававшей ему вид библейских старцев. Примерно такой же, насколько знал Олег, была и его жизнь до недавнего времени. На репутации отца Климента не было ни единого пятнышка, которым его могли бы укорить жители Куличков. Благодаря этому батюшка пользовался несомненным авторитетом, позволявшим ему наставлять на путь духовного спасения не только свою паству, но и прочих обитателей посёлка, не вызывая с их стороны отторжения и неприятия.

Несмотря на их разногласия в вере, Олег и сам относился к отцу Клименту с большим уважением. Он признавал, что православной вере повезло с пастырем в Куличках. Не будь отца Климента, язычество цвело бы здесь пышным цветом. Но Олег не завидовал популярности батюшки и был рад их мирному сосуществованию. В отличие от христианской церкви, он признавал право на существование разных религий, считая, что места под солнцем хватит им всем, а человек уже сам решит, во что верить и какую религию выбрать. Сделать такой выбор ему позволяет никто иной, как Бог, наделяя его свободой воли. Олег искренне жалел, что отец Климент не придерживается подобной точки зрения.

Но сейчас он собирался говорить с батюшкой не об этом. И очень хотел, чтобы отец Климент забыл о их религиозных разногласиях, и даже о том, что его собеседник – жрец Велеса, а выслушал его как человек человека и пошёл ему навстречу из обычных человеческих побуждений.

Но отец Климент, появившийся на паперти в сопровождении звонаря, ничего не забыл, что стало ясно из его слов, с которыми он обратился к Олегу.

- Мне известна твоя просьба, жрец Велеса, как и её причина, - пророкотал он своим могучим голосом, сотрясающим стены храма. – Но я хочу знать, для чего тебе нужен колокольный звон. Если собрать ополчение, то я не дам своего благословения. Нам подобает молиться о прекращении брани, а не ввергать мирных людей в клоаку войны.

- Но, отец Климент, - вмешался Владимир, - вы же сами прежде говорили, что наша любовь к отечеству должна простираться до готовности положить за него жизнь свою. И разве это не тот самый случай?

- Смерть за отечество подобна мученичеству за веру, - нахмурившись, сказал отец Климент. – Но не каждый способен стать мучеником. Кто из жителей Куличков даже перед лицом смерти может свидетельствовать о Христе, не отрекаясь от своей веры? Мне сие неизвестно.

Разговор грозил перерасти в богословский спор, и Олег решил прервать его. Сделав предупредительный знак звонарю, он сказал:

- Речь идёт не об ополчении, а о спасении детей. Набат нужен для того, чтобы местные жители, услышав его, привели своих детишек на площадь. А здесь их погрузят в автобус и отвезут в город, подальше от военных действий, которые могут начаться на территории посёлка. Неужели, батюшка, вы откажетесь помочь в эвакуации детей?

- Чада – это дело другое, - отрывисто произнёс отец Климент, недовольный тем, что обычно покорный его воле Владимир осмелился возразить ему, да ещё и в присутствии постороннего человека. – Ради их спасения я благословляю звонаря в неурочное время ударить в колокол.

Сказав это, он привычно протянул свою руку для поцелуя, но в последний момент, вспомнив, кто перед ним, отёрнул её и суетливо подал уже Владимиру. Звонарь поцеловал её, а Олег сделал вид, что ничего не заметил. После этого отец Климент торопливо удалился, подметая паперть лапами рясы, которую он, смущённый своей оплошностью, забыл приподнять.

- Теперь ты с чистой совестью, и не опасаясь гнева отца Климента, можешь бить набат, - сказал Олег, когда батюшка скрылся за воротами храма, над которыми висела потемневшая от времени и непогоды икона с изображением святых мучеников Феодора Варяга и его сына Иоанна. – Главное, чтобы это не было ложной тревогой. Этому нам не простят.

- Напрасно всполошим посёлок – потом греха не оберёшься, - подтвердил Владимир. – Поэтому я буду бить набат, получив известие только от тебя и ни от кого другого.

- Договорились, - кивнул Олег. – А если по какой-либо причине я не смогу лично оповестить тебя, то пришлю Гаврана с запиской. Я доверяю этому ворону как самому себе. Ты ничего не имеешь против?

- Когда имеешь дело с жрецом Велеса, надо быть готовым ко всему, даже к общению с птицами, - вздохнув, сказал Владимир. – Мне надо было протестовать раньше, а теперь уже поздно. Ворон так ворон. Лишь бы он не стал склонять меня к языческой вере.

- За это я ручаюсь, - пообещал Олег.

И они, пожав друг другу руки, расстались.

Глава 9. Жрец Перуна отправляется на поиски Добродеи...

Горислав терпеливо ждал возвращения Добродеи до полудня, усмиряя внутреннее беспокойство и не позволяя ему перерасти в тревогу. Жрец отвлекал себя мыслями о величии Перуна и суетности человеческого бытия. Но когда он, утомлённый своими размышлениями, поднял голову и увидел, что солнце уже в зените, его терпение иссякло. Он подошёл к расщелине в скале и несколько раз окликнул девушку по имени. Однако та не отозвалась. Звуки его голоса пропадали во тьме пещеры, не возвращаясь даже эхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.